

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

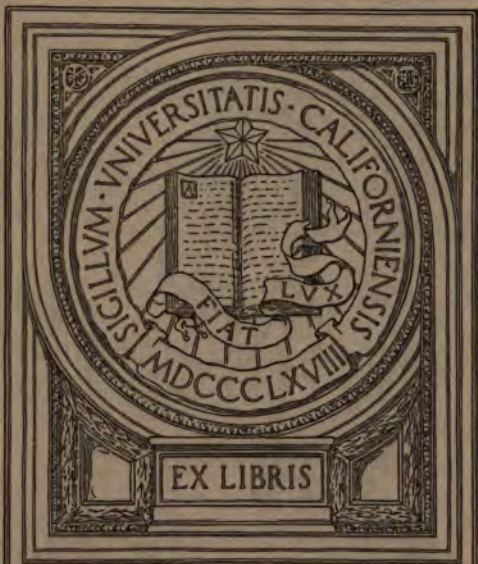
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

· FROM · THE · LIBRARY · OF ·
· PAUL N · MILIUKOV ·

EX LIBRIS

I.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ОБИТАТЕЛЕЙ

ВЯТСКАГО КРАЯ.

II.

ДРЕВНѢЙШАЯ СУДЬБА ВЯТСКОЙ ОБЛАСТИ.

Составилъ А. Спицынъ.

В Я Т К А.

Издание Губернскаго Статистическаго Комитета.

Губернская Типографія.

1889.

Печатано по постановленію Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 4-го ноябра 1889 года.

МІЛНКОМ ЛІВНАНУ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНѢЙШИХЪ ОБИТАТЕЛЕЙ ВЯТСКАГО КРАЯ ¹⁾.

(Посвящается VIII Археологическому съѣзду).

I. Находки каменныхъ орудій.

Вопросъ о томъ, обиталъ или нѣтъ въ системѣ р. Камы словѣкъ эпохи мамонта и пещернаго медвѣдя, остается до настоящаго времени открытымъ, такъ какъ немногочисленныя данныя, которыя уже добыты для его приблизительнаго рѣшенія, говорятъ еще слишкомъ мало; рѣшеніе этого вопроса въ отрицательномъ смыслѣ представляется пока наиболѣе вѣроятнымъ.) находкахъ этой эпохи по теченію р. Вятки и ея притоковъ ничего неизвѣстно. Впрочемъ наши свѣдѣнія о находкахъ въ предѣлахъ Вятской губерніи каменныхъ орудій такъ отрывочны, то мы не можемъ констатировать факта существованія здѣсь поселеній даже позднѣйшей поры каменнаго вѣка, неолитической. Находимые въ разныхъ мѣстахъ Вятскаго края кремневые трѣлы и ножи, по религіознымъ соображеніямъ или за недостаткомъ лучшаго матеріала, могли быть употребляемы мѣстными инородцами даже до позднѣйшаго времени, а каменные шлифованныя орудія встрѣчены на такихъ городищахъ, которыя невозможно отнести въ слишкомъ отдаленному времени (костеносныхъ).

Наиболѣе значительныя скопленія каменныхъ орудій въ губерніи открыты въ окрестностяхъ с. Окатьева на Моломѣ, на стѣѣ этой рѣки, въ нѣсколькихъ мѣстахъ по теченію рч. Юма,падающей въ Пижму, близъ дер. Оришуть Уржумскаго уѣзда и на устьѣ рч. Тоймы, подъ Анабынскимъ могильникомъ. Ни одна изъ указанныхъ мѣстностей еще не изслѣдована настолько, что-

¹⁾ Настоящая статья составляетъ рефератъ изъ работъ по вятской доисторической археологіи, предпринятой авторомъ по порученію Московскаго Археологическаго Общества.

бы можно было отнести заселеніе ихъ несомнѣнно къ эпохѣ каменнаго вѣка; есть даже нѣкоторыя основанія думать, что они принадлежатъ болѣе поздней порѣ.

Распространеніе по губерніи отдѣльныхъ находокъ каменныхъ орудій далеко не равномерно: есть огромныя пространства, почти совершенно лишенныя ихъ, и есть мѣстности, гдѣ онѣ встрѣчаются довольно часто. Можно также замѣтить, что, смотря по мѣстности, и самый характеръ орудій видоизмѣняется.

На основаніи собранныхъ свидѣній можно утверждать, что теченіе Камы и южная часть расположенныхъ по Пижмѣ и назывямъ р. Вятки уѣздовъ заняты приволжской полосой шлифованныхъ орудій, а остальная, сѣверная часть губерніи, представляетъ полосу мелкихъ издѣлій изъ кремня: ножей, стрѣлъ и нуклеусовъ. Точную границу между этими обѣими полосами указать невозможно, но тѣмъ не менѣе она ощутительна. Точно также мы имѣемъ основанія предполагать, что въ глубокой древности была заселена только западная часть губерніи, правый, нагорный берегъ р. Вятки, особенно берега впадающихъ въ нее притоковъ Моломы и Пижмы, съ притокомъ послѣдней Юмомъ. Покрытая непроходимыми лѣсами громадная мѣстность между лѣвымъ берегомъ Вятки и теченіемъ Камы, кромѣ южной своей части, была, можно думать, недоступна для людей каменнаго вѣка и даже много позднѣе.

По верхнимъ притокамъ р. Вятки: Кобрѣ, Летькѣ и Великой до сихъ поръ не найдено каменныхъ орудій, но зато ихъ можно много собрать по Моломѣ, гдѣ на верхней террасѣ высокаго праваго берега первые насельники страны находили повидимому большія удобства для поселенія. Особенно обильны находками окрестности с. Окальева и устьѣ Моломы. Всѣ находимыя здѣсь орудія исключительно кремневыя; матеріалъ ихъ такъ разнообразенъ по цвѣту и качеству, что едва ли могъ быть добываемъ въ одномъ мѣстѣ, и потому его легко счесть привознымъ. Въ общемъ числѣ находокъ стрѣлки представляютъ болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ ножи, скребки и нуклеусы. Чѣмъ далѣе отъѣзжаешь отъ Окальева вдоль Моломы къ устью, тѣмъ менѣе слышно о находкахъ «громовыхъ стрѣлъ», но зато на устьѣ Моломы находки кремневыхъ орудій очень часты и составляютъ здѣсь самое обычное явленіе. Небольшой притокъ Пижмы Юмъ, проходящій въ той же мѣстности, представлялъ повиди-

тому не менѣе удобствъ для поселенія. Здѣсь очень много кремневыхъ орудій найдено въ приходѣ с. Юмскаго на мѣстныхъ характерныхъ холмахъ («палатки») и на второй рѣчной террасѣ близъ д. Ивкинской. Немалое количество кремневыхъ орудій было найдено также по среднему теченію Пижмы и по впадающимъ въ нее съ правой стороны притокамъ Яранкѣ и Ижу, но особенно часто они попадаются, вѣдается, близъ устья Пижмы, около Лукарки. Нельзя не замѣтить, что матеріалъ нижемскихъ кремневыхъ орудій иной, чѣмъ матеріалъ юмскихъ: послѣднія образуютаны изъ цвѣтнаго, болѣе слабого кремня, а первыя изъ кремня плотнаго, сѣраго, иногда изъ роговика.

Въ перечисленныхъ мѣстностяхъ губерніи вовсе не найдено шлифованныхъ каменныхъ орудій, но ихъ довольно часто находятъ въ глубинѣ Яранскаго и Уржумскаго уѣзда, ближе къ границамъ Казанской губерніи: Диоритовые и другихъ горныхъ породъ каменные молота встрѣчены въ поч. Лоскутовѣ, дер. Реутовской, поч. Туманокъ и поч. Ивановскомъ близъ с. Шаранги, въ поч. Высокогневскомъ, въ д. Мосуновой, ст. Кундышъ, дер. Климары, близъ Царевосанчурска, близъ с. Липануръ, въ с. Улешъ, въ разныхъ деревняхъ волостей Юшумской, Цекѣвской и Маюшгловской. Изъ дер. Оришуть и другихъ деревень той же мѣстности мы имѣемъ оригинальные каменные молота въ видѣ долотъ, сдѣланные изъ кремнистой или даже обыкновенной опоки; долота эти очень толсты, имѣютъ на лицевой сторонѣ три грани и по типу напоминаютъ бронзовые кельты, отъ которыхъ, вѣроятно, и произошли. Опочныя долота встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ Уржумскаго уѣзда, на аманьинской дюнѣ и на костеносныхъ городищахъ; многія изъ нихъ прекрасно отшлифованы. Вмѣстѣ съ долотами при дер. Оришуть найдены сдѣланные изъ того же матеріала стрѣлы, копья и скребки.

На Чепцѣ, важнѣйшемъ лѣвомъ притоцѣ р. Вятки, находокъ каменныхъ орудій сдѣлано пока очень мало; вѣроятно, эти орудія заносились сюда случайно, а если принадлежатъ осѣдлому племени, то относятся къ сравнительно позднему періоду, именно ко времени чудской культуры. Всего болѣе встрѣчено здѣсь каменныхъ влиньевъ, менѣе попалось нуклеусовъ и еще менѣе стрѣлокъ. Мы лично по теченію Чепцы знаемъ только нѣсколько мѣстъ нахождения каменныхъ орудій, но эти мѣста отстоятъ другъ отъ друга на значительномъ разстояніи, и пото-

му слѣдуетъ надѣяться, что подобныхъ мѣстностей при дальнѣйшемъ изученіи чепецкихъ древностей окажется несравненно болѣе. Можно думать, что находимые на Чепцѣ каменные глинообразные молоты проникли сюда съ Камы, гдѣ они попадаются чаще, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ мѣстностяхъ губерніи.

По теченію самой р. Вятки пока нигдѣ не найдено значительныхъ скопленій каменныхъ орудій, и даже отдѣльныя находки ихъ здѣсь встрѣчаются не часто. Болотистыя и лѣсныя верховья Вятки до сихъ поръ не дали ни одного каменнаго орудія; кремневныя стрѣлки, ножи, каменные молота начинаютъ попадаться только отъ г. Слободскаго. Вотъ перечень мѣстъ, гдѣ были найдены разные предметы каменнаго вѣка вдоль р. Вятки: Слободской, Вятка и ея окрестности, с. Рябово, Котельничъ, окрестности Орлова, д. Шустовская, с. Сорвижское, с. Кырмижъ, с. Лебяжье, д. Рыбныя Ватаги, поч. Павлуничи (на Кильмези), д. Воробьевская, с. Рѣшетниковское, д. Черемисская Верхъ-Гоньба, д. Скаты, р. Шоша. Изъ этого перечня видно, что болѣе всего находокъ каменныхъ орудій по р. Вяткѣ сдѣлано въ среднемъ ея теченіи, начиная съ устья р. Кильмези. По верхнему теченію Вятки попадаютъ вообще только кремневыя орудія, а по нижнему идутъ находки шлифованныхъ каменныхъ молотовъ: исключенія изъ этого общаго правила составляютъ находки въ окрестностяхъ г. Вятки и Слободскаго своеобразныхъ сланцевыхъ орудій, принадлежащихъ, по всей вѣроятности, уже не каменному вѣку.

Вятское теченіе Камы лежитъ въ полосѣ шлифованныхъ орудій. Собрано еще не много свѣдѣній о находкѣ здѣсь предметовъ каменнаго вѣка, но нѣкоторые изъ этихъ находокъ очень оригинальны, и потому можно надѣяться, что Елабужскій и Сарапульскій уѣзды современемъ обогатятъ отечественные музеи рѣдкими или даже единственными экземплярами каменныхъ орудій. Изъ известныхъ орудій этой мѣстности наиболѣе любопытны: изящный песчаниковый топоръ безъ отверетія и съ выемками для прикрѣпленія его ремнями къ рукояти, прекрасный обоюдоострый топоръ изъ эоценоваго песчаника длиною болѣе четверти, шлифованная діоритовая стопообразная колотушка, шлифованныя кремневыя долота, опочные кельты и небольшіе топоры-глиняныя изъ яшмы и другихъ твердыхъ породъ; встрѣчено также нѣсколько кремневыхъ орудій (какъ на ананьинской дюмѣ, такъ и въ

других мѣстахъ). Въ Елабужскомъ уѣздѣ каменныхъ орудій найдено значительно болѣе, чѣмъ въ Сарапульскомъ. Всего болѣе хъ найдено въ окрестностяхъ с. Танайки и на устьѣ Тоймы; ромѣ того они были находимы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Синтяки, въ с. Тихія Горы, близъ д. Горѣльницкой и близъ Чутырѣ.

На верховьяхъ Камы каменныхъ орудій всего болѣе найдено въ Гордировской волости, т. е. въ мѣстности, примыкающей къ Чепецѣ, откуда, они, вѣроятно, и были заносимы. Другое сравнительно обильное находками каменныхъ орудій мѣсто представляетъ р. Колычъ, но далѣе Зюздина вплоть до границъ Пермской губерніи они уже не попадаютъ. Въ упомянутыхъ мѣстностяхъ еще другихъ каменныхъ орудій встрѣчаются ножи и стрѣлки изъ прекраснаго сѣроватаго кремня, рѣже, въ единичныхъ экземплярахъ, встрѣчены здѣсь шлифованныя орудія. Принадлежность тѣхъ и другихъ именно каменному вѣку подвержена сомнѣнію.

II. Бронзовый вѣкъ и восточныя городища.

Ананьинскій могильникъ и отдѣльныя находки бронзоваго вѣка.

Какими столѣтіями можно обозначить существованіе въ каменной области такъ называемаго бронзоваго вѣка, въ какомъ отношеніи находится онъ къ соотвѣтственной средне-азиатской западно-европейской культурѣ, была ли здѣсь въ какихъ-либо размѣрахъ самостоятельная обработка бронзовыхъ орудій, или ни получались въ готовомъ видѣ—на всѣ эти вопросы мы пока не можемъ отвѣчать. До сихъ поръ въ археологической литературѣ не появилось даже описанія всѣхъ сдѣланныхъ въ области Камы и ея главныхъ притоковъ курганныхъ и отдѣльныхъ находокъ этого времени. Последнее обстоятельство объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что такихъ находокъ извѣстно еще мало, это въ свою очередь, повидимому, доказываетъ, что бронзовый вѣкъ въ прикамьѣ не имѣлъ ни большого распространенія, ни близкихъ культурныхъ центровъ. Самый крупный фактъ этого времени въ прикамьѣ, извѣстный ананьинскій могильникъ, не такъ серьезно изучаемый, все еще не понятъ, такъ какъ не смотря на всѣ старанія изслѣдователей найти другія подобныя насыпи нѣ остается одиночнымъ. Впрочемъ, если бы даже мы имѣли и

болѣ свѣдѣній объ отдѣльных находкахъ бронзовыхъ вещей въ области Камы и даже нашли бы здѣсь еще нѣсколько кургановъ бронзоваго вѣка, все же вопросъ о культурѣ прикамскаго населенія этого времени остался бы открытымъ, такъ какъ подобныя находки могутъ дать лишь очень неполное понятіе объ образѣ жизни оставившаго ихъ народа до тѣхъ поръ, пока не найдены самыя мѣста его обитанія, а городищъ или другаго рода поселеній бронзоваго вѣка съ полною увѣренностью здѣсь мы еще не можемъ указать. По разнообразію находокъ, показывающему, что бронзовыя орудія оставлены въ краю разными народностями и въ разное время, невозможно сдѣлать даже наиболѣе легкаго-отмѣтить стиль бронзовыхъ прикамскихъ вещей.

Ананьинскій могильникъ открытъ въ 1855 г. Невоструевымъ и основательно разрытъ Алабинымъ (въ 1859 г.) и Пономаревымъ (въ 1881 г.).

Могильникъ расположенъ вблизи г. Елабуги за околицей подгородной дер. Ананьиной, на самомъ краю второй террасы р. Камы, недалеко отъ прежняго устья Тоймы. Внѣшній видъ могильника совсѣмъ не соответствуетъ нашему обычному представленію о курганной насыпи: онъ представляетъ собою простое продолговатое, въ видѣ небольшого вала, возвышеніе, не имѣющее ни правильной формы, ни какихъ-либо другихъ признаковъ того, что надъ нимъ потрудились рука человѣка. Хотя высота насыпи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходить до сажени, но при длинѣ окружности ея, доходящей до 70 саж., эта высота остается совершенно незамѣтною. Могильникъ насыпанъ вдоль берега и, кажется, не на ровной плоскости, а на береговомъ свѣтѣ.

Въ раскопанной въ 1859 г. части могильника Алабинымъ обнаружено было до 50 костяковъ. Весьма немногіе изъ нихъ лежали группами по 2 и по 3, остальные положены были отдѣльно, на разстояніи приблизительно въ аршинъ. Кромѣ 4 костяковъ, всѣ прочіе были положены къ югу, по направленію къ полуденному солнцу, тыломъ къ рѣкѣ. Въ цѣломъ видѣ похоронено только 6 покойниковъ, всѣ же прочіе были предварительно сожжены на кострѣ, откуда были взяты главныя кости и погребены въ курганъ, при чемъ замѣтно стараніе размѣстить эти кости въ естественномъ порядкѣ. Наблюдается и частичное погребеніе, именно найдено 11 отдѣльно погребенныхъ головъ; каждая изъ нихъ находилась на одной или двухъ плитахъ. Видѣтъ съ покойника-

и полагались ихъ любимыя или наиболѣе употребляемыя при жизни вещи: у мужскихъ скелетовъ по бокамъ ножъ, кельтъ или топь, на груди стрѣлки, у женскихъ—шейныя ожерелья, бусы и другія украшенія. Не всѣ скелеты сопровождаются одинаковымъ количествомъ и одинаковаго рода предметами: есть костыя богатые и бѣдные, точно также у однихъ преобладаютъ желѣзные орудія, у другихъ мѣдные. Бѣднѣйшій скелетъ имѣлъ при себѣ только ножъ и нѣсколько глиняныхъ черепковъ. При ожженныхъ костякахъ всегда можно было найти одинъ или нѣсколько горшковъ и маленькихъ горшечковъ, должно быть съ епломъ или остатками пищи. Три костяка найдены на каменномъ ложѣ; вѣроятно, многіе костяки имѣли надъ собою скатобразное каменное прикрытіе. Черепа нѣкоторыхъ костяковъ прориты молотомъ или кельтомъ. Нѣкоторыя изъ найденныхъ при костякахъ вещей носятъ слѣды огня, изъ чего по видимому слѣдуетъ, что покойники сожигались въ одеждѣ, съ украшеніями и съ оружіемъ.

Раскопка ананьинскаго могильника вызвала статью о немъ пр. Эйхвальда, въ которой ученый академикъ между прочимъ усиленно проводитъ аналогію погребенія въ ананьинскомъ курганѣ съ погребальными обычаями скивовъ и считаетъ даже возможнымъ предполагать, что погребенные въ могильникѣ скивы были современниками царя персидскаго Дарія (V в.); кромѣ того въ своей статьѣ онъ дѣлаетъ рядъ другихъ предположеній, напр. то, что всѣ 46 скелетовъ могильника были сожжены на многихъ небольшихъ вострахъ въ одинъ день и что въ общемъ курганъ представляетъ собою могилу важнаго владѣтеля, погребеннаго вмѣстѣ съ женами, придворными и рабами и пр. Послѣ Эйхвальда изученіемъ ананьинскаго могильника занялся Невоструевъ, признавшій его вполне аналогичнымъ съ австрійскимъ галльштадскимъ. Въ своемъ изслѣдованіи пр. Невоструевъ изъ числа находокъ въ могильникѣ къ оружію относитъ: кельты, княжалы, сѣкиры, коныя и стрѣлы. Ананьинскіе кельты своеобразной формы: они вообще довольно велики, чаще безъ ушковъ, орнаментъ ихъ состоитъ изъ двухъ прямыхъ линій, идущихъ вдоль широкой средней грани, и четырехъ другихъ, ломаныхъ линій, сопрягающихся въ концахъ и идущихъ вдоль зѣва. Княжалы частью бронзовые, частью желѣзные; послѣдніе имѣютъ форму бронзовыхъ. Сѣкиры дѣлались также изъ того и другаго металла; одинъ

ковецъ ихъ тонкій и круглый, другой толстый, въ эземплярахъ бронзовыхъ перѣдко съ украшеніемъ въ видѣ орлиаго клюва, кабаньей головы и другихъ животныхъ. Копья попадаются чаще бронзовыя; они хорошо отлиты и имѣютъ узоры. Желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ найдено незначительное количество (всѣ они плоскіе), большинство же стрѣлокъ бронзовыя или, вѣрнѣе, мѣдныя, со втулочками, чаще трехгранныя, иногда двугранныя, нѣкоторыя съ особыми шишами. Изъ числа украшеній найдены: шейныя витыя кольца, ожерелья, бусы, колечки, браслеты, разнообразный поясной наборъ, бляхи, пряжки и проч. Къ ожерельямъ часто привѣшивались подвѣски въ видѣ сердечка, креста, треугольника, груши, ромба и проч.; сами ожерелья чаще состояли изъ мелкихъ глинянныхъ глазированныхъ кружечковъ. Самое характерное поясное украшеніе—продолговатыя съ перехватомъ пластинки, составленныя изъ двухъ плоскихъ кружечковъ. Изъ вещей домашняго быта или хозяйственныхъ можно отмѣтить: бронзовое, украшенное городчатымъ орнаментомъ долото, клинки отъ ножей, нѣсколько круглыхъ точильныхъ камней, иногда съ дырочкой для привѣшиванія, бронзовое шило и глиняные горшки. Изъ предметовъ конской сбруи найдены желѣзныя и бронзовыя удила, нащечникъ, украшенія. Въ своей статьѣ пр. Невоструевъ много мѣста посвящаетъ внимательному изученію символовъ и амулетовъ: колеска о 4 спицахъ, вѣнцы въ формѣ клюва, полумѣсяца, орлиной головы, барашьей головки, пѣтушка, дракона, змѣи съ открытою пастью и медвѣжьей головы. Среди находокъ, добытыхъ съ могильника самимъ Невоструевымъ, представляетъ большую научную цѣнность извѣстная опочная плита съ изображеніемъ человѣка; исследователь находитъ, что вооруженіе и украшенія изображеннаго на плитѣ лица вполне походятъ на тѣ, какія добыты въ самомъ могильникѣ, и проводитъ аналогію ихъ со скиѣскими. Обсуждая вопросъ о времени, когда могильникъ могъ быть насыпанъ, Невоструевъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ принадлежитъ не къ концу бронзоваго вѣка, а къ болѣе отдаленному періоду этого вѣка, и создаетъ теорію происхожденія бронзоваго вѣка въ восточной Европѣ отъ азіатскихъ скиѣвовъ, имѣвшихъ сношенія съ Персією и Ассирією и хорошо извѣстныхъ Птоломею.—Кромѣ указанныхъ лицъ древности аваньинскаго могильника были изучаемы Лерхомъ, П. Д. Шестаковымъ, Толмачевымъ, Аспелинымъ, Лихачевымъ и П. А. Пономаревымъ.

въ которыхъ послѣдній подвергъ его омончательной раскопкѣ. Спелникъ, не извѣстно на какихъ основаніяхъ, отнесъ могильникъ къ III в. до Рожд. Хр.

Другихъ могильниковъ и кургановъ бронзоваго вѣка въ губерніи неизвѣстно. Отдѣльныя находки бронзовыхъ и мѣдныхъ предметовъ попадаютъ болѣе всего по теченію р. Камы и особенно въ окрестностяхъ Елабуги. Въ другихъ мѣстностяхъ губерніи такихъ находокъ, можно сказать, не встрѣчается. Вотъ списокъ мѣстъ, гдѣ встрѣчены находки отдѣльныхъ экземпляровъ бронзовыхъ или мѣдныхъ вещей: окрестности Елабуги, д. Пустолева, поч. Рождественскій Асановской вол., с. Тавайка, с. Граово, поч. Русскій Ахтіаль, с. Ижевское Устье, поч. Собапы Шарьянской вол., д. Кинерь Малороженской вол. Многіе изъ бронзовыхъ находокъ весьма интересны. Таковы особенно превосходныя и очень рѣдкія молота-сѣкиры съ изображеніемъ дракона а обухъ и головою орла надъ втулкой, найденныя въ двухъ или трехъ экземплярахъ; изъ другихъ находокъ отмѣтимъ: разнообразныя кельты, обоюдоострый кинжалъ, разныхъ формъ копья, двѣ мѣдныхъ серпа, мѣдныя кирки, бронзовый мечъ и пр. Интересно, что мѣдныя топоры встрѣчены на далекомъ сѣверѣ губерніи близъ с. Гадаева и на р. Холуницѣ), а также въ глубинѣ Яранскаго уѣзда (поч. Ожигановскій, д. Лумарь близъ с. Сердежскаго ржумскаго уѣз.). Типъ этихъ топоровъ очень распространенный о всему сѣверу Россіи (топоръ узкій, втулка въ обухъ) и вѣроятно относится къ болѣе позднему времени.

Несмотря на добросовѣстныя попытки ученыхъ путемъ внимательнаго изслѣдованія точно опредѣлить мѣсто, занимаемое ананьинскимъ могильникомъ среди другихъ однородныхъ ровностей, онъ остается для насъ до сихъ поръ совершенно неопытнымъ. Какому вѣку и народу могильникъ принадлежитъ, гдѣ или мѣста постояннаго обитанія этого народа, каковъ былъ образъ жизни послѣдняго—всѣ эти вопросы если и затронуты, то не рѣшены даже приблизительно. Хотя изученіе камскихъ древностей въ послѣднія 30 лѣтъ сдѣлало значительные успѣхи, ананьинскій могильникъ до сихъ поръ представляется такимъ же таинственнымъ и одиночнымъ фактомъ, какимъ онъ сталъ извѣстенъ ученымъ въ 1859 г. Особенно поражаетъ и кажется странною эта особенность могильника отъ прочихъ камскихъ древностей: представляется невозможнымъ, чтобы гдѣ-нибудь вблизи не на-

плось древностей аналогичныхъ, какихъ-либо явныхъ фактовъ той же культурности. Раздумывая надъ вопросомъ, къ какому роду извѣстныхъ намъ витскихъ и камскихъ древностей ананьинскій могильникъ стоитъ ближе всего, мы остановили свое вниманіе на тѣхъ называемыхъ костеносныхъ городищахъ. Древности могильника и городищъ на первый взглядъ столь отличны другъ отъ друга, что никто не рѣшился указать на возможность очень близкой аналогіи между ними, но внимательное изученіе ихъ, на нашъ взглядъ, показываетъ, что такая аналогія на самомъ дѣлѣ существуетъ. На костеносныхъ городищахъ встрѣчены бронзовые вельты, наконечники стрѣлъ, шилья, иглы, желѣзные копья, желѣзные ножи, точильные каменные бруски, стеклянныя бусы, мѣдный поясной наборъ, кремневныя стрѣлы, кружки съ отверстиемъ посрединѣ—совершенно такіе же, какіе собраны въ ананьинскомъ могильникѣ. Далѣе—древности могильника съ древностями костеносныхъ городищъ очень сближаетъ общая любовь оставившихъ ихъ народностей къ снабженію оружія и другихъ предметовъ украшеніями въ видѣ животныхъ. На сѣнкахъ и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ ананьинскаго могильника вы встрѣтите изображенія орла, кабана, медвѣдя и дракона—и головками тѣхъ же животныхъ обитатель костеносныхъ городищъ украшалъ свои ручки для ножей, кружки, удочки и проч.; онъ можетъ быть даже болѣе разнообразилъ свои украшенія, такъ какъ на предметахъ съ костеносныхъ городищъ найдены еще изваянія лошади, коня и, можно думать, собаки. Довольно многочисленныя слѣды существованія у обитателей костеносныхъ городищъ литейнаго искусства (находки тиглей и даже формъ) составляютъ, конечно, также одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ близости этихъ городищъ къ бронзовому вѣку. Черепки глиняныхъ ананьинскихъ сосудовъ очень близки къ черепкамъ ближайшаго костеноснаго городища, тихогорскаго. Въмѣстѣ съ черепками какъ и въ могильникѣ, также какъ и на костеносныхъ городищахъ, встрѣчаются цѣлыя и битые куски крупной гальки (употребляемой, какъ намъ кажется, для скорѣйшаго нагрѣванія воды въ сосудахъ) Насъ не должно смущать то обстоятельство, что предметы древности изъ могильника и съ городищъ не вполне совпадаютъ другъ съ другомъ. Такъ напримѣръ на костеносныхъ городищахъ совсѣмъ не найдено кинжаловъ, какихъ не мало собрано въ могильникѣ, по это обстоятельство можетъ быть безъ труда объяснено мирнымъ

назначеніемъ городищъ и недостаткомъ въ изысканіяхъ. Въ свою очередь, въ могильникъ не могли проникнуть предметы общедоступныя, въ обиліи находимыя на городищахъ: визальныя иглы, лопаточки, ложки, гребня, удочки, остроги и проч. Мы внимательно разсмотрѣли всѣ типичныя формы предметовъ для ананьинскаго могильника и костеносныхъ городищъ, и нашли, что они или одни и тѣ же, или весьма сходны. Но чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что въ могильникѣ вовсе не найдено костяныхъ стрѣлъ, которыя во множествѣ встрѣчаются на костеносныхъ городищахъ? Почему въ могильникѣ не встрѣчено ни одной костяной вещи? Трудно отвѣтить на такой вопросъ. Можетъ быть потому, что костяные предметы не считались достаточно цѣнными и почетными, можетъ быть потому, что эти предметы совершенно исчезли въ кострѣ—во всякомъ случаѣ этотъ фактъ, при всей необъяснимости своей, по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ всѣмъ прочимъ, согласно говорящимъ на аналогію культуръ могильника и городищъ. Мы, конечно, не рѣшаемся утверждать, что тѣ и другіе памятники древности принадлежатъ непременно одному народу и одному времени: это можно только предполагать. Всего естественнѣе, кажется, было бы думать, что ананьинскій могильникъ есть мѣсто погребенія знатнѣйшихъ лицъ того племени, которое населяло камскія костеносныя городища. Обыкновенные люди этого племени могли подвергаться менѣе сложному и менѣе дорогому обряду погребенія.

Костеносныя городища. По низовьямъ Камы и Вятки тянется рядъ древнихъ городищъ, которыя, по обилію находимыхъ на нихъ костей и издѣлій изъ кости, принято называть, не совсѣмъ впрочемъ точно, костеносными. Эти городища своеобразны по внѣшнему виду (они не велики и имѣютъ одинъ кокошниковобразный валъ), но несравненно любопытнѣе находимыя на нихъ культурныя остатки народа, которому они принадлежали. Образъ жизни этого народа былъ, кажется, исключительно звѣроловческій (частью пастушескій), и потому на оставленныхъ имъ городищахъ всегда встрѣчается масса костей, которыхъ иногда бываетъ такъ много, что они служатъ предметомъ промышленнаго сбыта. Чаще всего встрѣчаются кости оленя, лося, лошади, медвѣдя и бобра, рѣже—свиньи, рогатаго скота, зайца, выдры, лисцы, волка, хомька (?), куницы, барана, птицъ, рыбъ и собаки. По находкамъ, преобладающимъ болѣе всего нѣкоторыя принадлежности

сбруи, можно думать, что лошадь была домашнимъ животнымъ; вѣроятно, домашними же были корова, свиньи, баранъ и собака. Костей дикихъ животныхъ встрѣчается значительно больше, чѣмъ костей домашнихъ. Кто, побывавъ на костеносномъ городищѣ во время раскопокъ, обратитъ вниманіе на массу вырываемыхъ на немъ разнообразныхъ формъ раздробленныхъ и расколотыхъ костей, пойметъ, что человѣку не могла не придти мысль воспользоваться въ возможно обширныхъ размѣрахъ этимъ готовымъ, крѣпкимъ и довольно легко поддающимся обработкѣ матеріаломъ для выдѣлки орудій и предметовъ домашняго быта. Въ самомъ дѣлѣ, костяныхъ вещей и издѣлій на костеносныхъ городищахъ столько, что каменные и металлическія сравнительно съ ними составляютъ самый незначительный процентъ. Боевые молота, стрѣлы, ножи, ложки, рукоятки для ножей, удочки, игрушки, шилья, иглы, гребни, бусы—все дѣлалось изъ кости, иногда очень красивой и всегда крѣпкой.

Насколько развита и своеобразна культура костеносныхъ городищъ, судить о томъ можно по замѣчательному разнообразію и изяществу находимыхъ на нихъ предметовъ. Самымъ распространеннымъ оружіемъ обитателей костеносныхъ городищъ были боевыя молота, состоявшіе изъ крѣпкаго сука съ массивною рукояткою, снабженною круглымъ костянымъ наконечникомъ; такія молота по своему типу вполне походятъ на молота каменнаго и бронзоваго вѣка, гдѣ костяной наконечникъ замѣняется каменнымъ клиномъ или кельтомъ; тѣ же молота въ ананьинскомъ могильникѣ переходятъ въ сѣкеры съ круглымъ остриемъ. Костяные наконечники молотовъ имѣютъ въ длину обыкновенно до 2 вершковъ и для прикрѣпленія къ суку снабжены отверстиями. Костяные наконечники стрѣлъ встрѣчаются на костеносныхъ городищахъ во множествѣ. Въ обработкѣ этихъ предметовъ ихъ обитатели доходили до замѣчательной виртуозности, придавая имъ весьма разнообразныя формы и превосходную отдѣлку. Встрѣчены костяныя остроги весьма изысканныхъ формъ и большія костяныя удочки, часто снабженныя изваяніями. Большіе костяные ножи дѣлались изъ острыхъ, широкихъ и длинныхъ реберъ съ головкой въ видѣ ручки, а маленькіе ножички для снятия шкурокъ изъ небольшихъ тонкихъ костей, острие которыхъ скланивалось и заострялось. Изъ другихъ предметовъ домашняго быта встрѣчены: острия кости въ видѣ вилокъ (въ опромномъ во-

личествъ), нѣсколько отлично сдѣланныхъ костяныхъ дощечъ (эта находка быть можетъ болѣе всего свидѣтельствуетъ о высокой степени культуры костеносныхъ городищъ), костяные гребни, всегда съ украшеніями, множество вязальныхъ иглъ, обработанныхъ изъ тонкихъ круглыхъ реберъ, шила, водочиги (дѣланы изъ согнутаго ребра), костяныя узды (?) и характерныя, всегда изящно сдѣланныя лопаточки разнообразныхъ формъ, употребляемыя, вѣроятно, для сбиванія мездры съ кожи. Украшеніями служили: медвѣжьи клыки, маленькія бабки, лодыжки, пластинки, пронизки, восточки. Наиболѣе характерныя изъ украшеній—каменные или глиняныя плоскія кружки съ дырочкой посрединѣ, которые кажется, входили въ составъ ожерелій. Они почти всегда украшались какими нибудь изображеніями, напр.: дракона, собаки, въ видѣ спиць, колеса и пр., и можетъ быть составляютъ мѣстное подражаніе подобнымъ же бронзовымъ и нефритовымъ кружкамъ, встрѣченнымъ въ ананьинскомъ могильникѣ и на одномъ костеносномъ городищѣ.

Всѣ костяныя издѣлія съ костеносныхъ городищъ обработаны весьма искусно, иногда художественно. На нѣкоторыхъ предметахъ особенно на ручкахъ ножей, на лопаточкахъ, гребняхъ и удочкахъ встрѣчаются изваянія фигуръ и головокъ различныхъ животныхъ: лоша, (чаще всего), медвѣдя, лисяцы, кабана, свиньи, лошади, изрѣдка изображенія дракона и другихъ фантастическихъ животныхъ. Многія изъ подобныхъ работъ сдѣлали бы честь рѣцу художника нашего времени.

Желѣзныхъ предметовъ и издѣлій на костеносныхъ городищахъ найдено очень мало: такъ напр. въ нижемскомъ городищѣ на 900 находокъ приходится всего 6 желѣзныхъ, т. е. $\frac{2}{3}$ ‰. При дороговизнѣ металла, вещи изъ желѣза имѣлись только необходимѣйшія: орудія для первоначальной обтески костей, ножи и буравы для сверленія отверстій. Топоровъ и рѣзцовъ для обрубки и начального обтесыванія кости еще не найдено, но слѣды ихъ употребленія ясны на неоконченныхъ предметахъ; они были долотообразны, съ острымъ, нѣсколько округленнымъ концомъ. Желѣзные ножи почти все серповидны. Для просверливанія отверстій употреблялись четырехгранныя, довольно хорошо закаленные шила болѣе вершка длиною. Въ незначительномъ количествѣ найдены обломки другихъ желѣзныхъ предметовъ, но вообще они очень не разнообразны. Намъ извѣстенъ съ вятскихъ

костеносныхъ городищъ только одинъ экземпляръ желѣзной стрѣлы и одинъ желѣзный наконечникъ копья.

Нѣсколько больше, чѣмъ желѣзныхъ предметовъ, найдено подѣлокъ изъ бронзы и мѣди. Среди нихъ особенно замѣчательны кельты, которые на костеносныхъ городищахъ не составляютъ одиночнаго явленія. Кромѣ кельтовъ найдены: обыкновенныя двуперныя стрѣлки, иглы, пилы, кольца и разныя украшенія; подвѣсокъ чуждого типа не найдено.—Найдены не только самые предметы изъ мѣди и бронзы, но также и слѣды самостоятельнаго литья металлическихъ издѣлій—тигли и формы, довольно разнообразныхъ формъ. Подѣлокъ изъ другихъ металловъ вообще не найдено; любопытно, что не найдено также издѣлій изъ стекла, если не считать замѣчательнаго ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ съ нефритовыми привѣсками, найденнаго на одномъ изъ камскихъ костеносныхъ городищъ.

На вятскихъ костеносныхъ городищахъ издѣлій изъ камня найдено очень мало: нѣсколько кремневыхъ стрѣлокъ, круглая палочка и еще нѣсколько незначительныхъ вещицъ. Камскія костеносныя городища находками каменныхъ предметовъ богаче: здѣсь найдена половина каменнаго молота и довольно значительное количество клипсень—кельтовъ изъ известковаго камня, подобныхъ тѣмъ, которые найдены въ мастерской при д. Ори-шуть. Кремневыхъ скребковъ, ножей и вулеусовъ пидѣ не найдено. зато на каждомъ костеносномъ городищѣ въ значительномъ количествѣ попадаются жерновые камни изъ слабого ячеистаго известняка, имѣющіе типичную форму и даже величину яровыхъ хлѣбовъ. Обыкновенно поверхность такихъ жернововъ совершенно ровная, изрѣдка нѣсколько выпуклая, и только въ одномъ случаѣ найденъ жерновъ съ вогнутою поверхностью. Назначеніе жернововъ для насъ не вполне ясно; не употреблялись ли они для растиранія корней и плодовъ?

Гончарныя издѣлія съ костеносныхъ городищъ такъ своеобразны, что ихъ легко отличить сразу. Находимые здѣсь черепки на столько крѣпки и плотны, что при ударѣ издають звонъ; они сѣраго цвѣта, часто съ раковиною примѣсью, тверды какъ камень и сохранились въ очень большихъ фрагментахъ, по которымъ очень не трудно возстановить форму всего сосуда. Горшки были разнообразной формы (котловидные, съ круглымъ дномъ и широкимъ зѣвомъ), но различныхъ величинъ, именно трехъ:

одни въ діаметрѣ зѣва имѣютъ $1\frac{1}{2}$ четверти, такъ что едва могли бытъ обхвачены обѣими руками, другіе—четверть, а третьи рѣже встрѣчаемыя, еще нѣсколько менѣе; самый небольшой изъ найденныхъ нами сосудовъ имѣетъ не болѣе $1\frac{1}{2}$, вершка въ діаметрѣ. Орнаментъ большихъ и малыхъ сосудовъ не вполне одинаковъ. Украшенія первыхъ состоятъ изъ зубчатыхъ (иногда по 6 зубцовъ, иногда менѣе) и изрѣдка веревчатыхъ линій, снупо расположенныхъ то группами, то вкось, а чаще вдоль зѣва; къ этому орнаменту иногда присоединяется кружковій. Орнаментъ этихъ сосудовъ силенъ и грубъ; многіе черепки совсѣмъ лишены украшеній. На сосудахъ малыхъ преобладаютъ веревчатныя украшенія, мелкія и несравненно болѣе изящныя и сложныя, такъ что прямо напоминаютъ подобныя изъ анапѣинскаго могильника.

Костяковъ и могиль, принадлежащихъ достовѣрно обитателямъ костеносныхъ городищъ пока не найдено, но П. А. Пономаревъ имѣетъ данныя, позволявшія ему сдѣлать предположеніе, что населявшее эти городища племя хоронило не трупы, а лишь кости.

По всѣмъ признакамъ, костеносныя городища относятся къ очень отдаленному времени и стоятъ ближе къ бронзовому вѣку, чѣмъ ко времени преобладанія желѣзныхъ орудій. Монеты, помощью которыхъ можно было бы опредѣлять время сооруженія костеносныхъ городищъ, на нихъ не найдено, но это обстоятельство само по себѣ служитъ вѣскимъ признакомъ особенной ихъ древности. П. А. Пономаревъ относитъ костеносныя городища къ I—IX вв. по Рожд. Хр.

Городища, наиболѣе близкія по культурѣ къ костеноснымъ, встрѣчены въ Западной Сибири, пока въ системѣ р. Иртыша. Одно такое городище находится на такъ называемомъ Чувашскомъ мысу близъ Тобольска. Оно укрѣплено двумя кокошникобразными валами и въ позднѣйшее время служило мѣстомъ чуждаго могильника. Изъ предметовъ, аналогичныхъ съ находками въ камскихъ и вятскихъ костеносныхъ городищъ, здѣсь встрѣчены: наконечники молотовъ, молота, наконечники стрѣлъ, ножи и южички, шилья, ручки для ножей (иногда съ изваяціями), удочки, ложки, гребни, лопаточки, стремена, кружки съ отверстіемъ, крашенія и проч. Другое костеносное городище открыто на рч. Гоми. Близъ Тобольска раскопаны курганы, въ которыхъ, по вѣсткамъ сообщеніямъ, найдены костяныя издѣлія вмѣстѣ съ

металлическими; впрочемъ наши свѣдѣнія объ этихъ раскопкахъ очень скудны, о чемъ нельзя не пожалѣть, потому что они могли бы въ окончательной формѣ рѣшить вопросъ объ отношеніи костеносныхъ городищъ къ бронзовому вѣку. — Въ окрестностяхъ Кыштымскаго завода Пермской губ. найденъ кружокъ, вполне аналогичный съ подобнымъ же съ одного вятскаго костеноснаго городища.

Древности костеносныхъ городищъ сходны также съ предметами, найденными близъ Ладожскаго озера проф. Иностранцевымъ. Наконечники молотовъ здѣсь имѣютъ нѣсколько иной видъ: они дѣлаются изъ расколотыхъ по поламъ большихъ костей и не надѣваются на сукъ, а прикрѣпляются къ нему; другіе аналогичные предметы: костяные ножи, стрѣлки, остроги, пиля, вязальные иглы, каменная круглая палочка.

Открытія въ Пермской губерніи г. Теплоуховымъ «костицы» (вѣроятно, это тѣ же городища) относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ камскія костеносныя городища, хотя также заключаютъ въ себѣ много издѣлій изъ кости. Принадлежность костицы къ иному времени доказывается присутствіемъ въ нихъ въ значительномъ количествѣ искусной отдѣлки стеклянныхъ бусъ, издѣлій изъ желѣза и даже бронзовыхъ идоловъ чудскаго типа. Костяные наконечники стрѣлъ при общемъ сходствѣ съ наконечниками костеносныхъ городищъ кой въ чемъ отличаются отъ послѣднихъ, напр. имѣютъ характерный срѣзь на ребрахъ.

Въ Вятской губерніи пока извѣстно 7 костеносныхъ городищъ: тихо-горское, свино-горское, аргыжское, ройское, буйское, лебяжское и пижемское. Первые два расположены еще по Камѣ, а остальные въ нижнемъ теченіи Вятки: далѣе Пижмы они не идутъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ городищъ оказалось пижемское, давнее изумительно богатыя и разнообразныя находки; почти нѣтъ такихъ предметовъ изъ числа найденныхъ на костеносныхъ городищахъ, которые не встрѣтились бы и на пижемскомъ. Самыми бѣдными городищами оказались лебяжское и тихо-горское.

Кажется, что костеносныя городища имѣли почти исключительно религіозное значеніе.

III. Чудскія древности.

При недостаткѣ надежныхъ письменныхъ источниковъ, при отсутствіи значительныхъ систематическихъ раскопокъ, мы вполне безсильны рѣшить вопросъ объ основныхъ элементахъ чудской и болгарской культуръ, о времени ихъ развитія и процвѣтанія въ области Камы, о національности того и другого народа и о характерѣ ихъ политической жизни. Предположеній равно вѣроятныхъ можно сдѣлать сколько угодно, но не найдется между ними такого, на которомъ можно было бы остановиться съ довѣріемъ. Слѣдующее предположеніе по древнѣйшей исторіи Камской области представляется намъ пока наиболѣе заслуживающимъ вниманія.

Отыскивая новые рынки для закупки мѣховъ и сбыта своихъ товаровъ, восточные купцы нападаютъ на слѣды какихъ-то передвиженій сибирскихъ инородцевъ въ Европу черезъ сѣверный Уральскій переваль, ближе знакомятся съ мѣстностью и чрезъ которое время устраиваютъ на верховьяхъ Камы торговый мѣловой центръ. Съ теченіемъ времени выгодное положеніе избранной мѣстности для торговли не только по Камѣ, но и по Сѣв. Двинѣ и миролюбіе владѣющихъ страню чудскихъ народностей вызываютъ возникновеніе здѣсь постоянной торговой факторіи, козлевами которой становятся сперва купцы — персіане, а послѣ нихъ торговцы другихъ восточныхъ народовъ (не исключая сибирскихъ), преимущественно же арабскіе купцы. Факторія эта не замедлила оказать могущественное политическое и культурное мѣненіе на окружающія звѣроловческія и частью пастушескія племена: стянула ихъ въ одному центру и познакомила съ земледѣліемъ и разными удобствами и соблазнами высшей культуры. Однимъ изъ выгоднѣйшихъ предметовъ сбыта въ странѣ сѣверной чуди оказались бронзовыя шумящія привѣски, заимствованныя восточными купцами, вѣроятно, отъ сибирскихъ племенъ и быстро вошедшія во всеобщее употребленіе. Факторія современемъ обратилась въ колонію, и колонія эта съ теченіемъ времени неизбежно должна была пережвѣнить свой главный центръ, пустившись съ верховьевъ Камы на ея низовье, ближе къ великому волжскому пути. Здѣсь возникла сперва временная ярмарка, а потомъ постоянное поселеніе (знаменитыя Болгары), вскорѣ затмившее славу чердынской факторіи. На Волгѣ восточная колонія усилилась новыми элементами, нашла новые пути на во-

стокъ и вошла въ сношенія съ новыми народами. Болгары сплотили вокругъ себя оригинальный, хотя и слабый союзъ сосѣднихъ ивородцевъ, подчинивъ ихъ особому торгово-аристократическому устройству, давъ имъ общее управленіе и судъ. Дальнѣйшему процвѣтанію области весьма много содѣйствовало принятіе болгарами мусульманства. Восточные мастера, ремесленники и ученые сдѣлали Болгары вполнѣ уголомъ востока. Почти восьмивѣковое (V—XIII в.) болѣе или менѣе спокойное существованіе въ камской области незначительной торговой колоніи объясняется единственно только слабостью сосѣдей. Неудивительно, что она пала при первомъ серьезномъ столкновеніи съ народомъ, сильнымъ идею національности, пала такъ, что ничего не оставила послѣ себя кромѣ имени. Подручныя болгарамъ племена равнодушно подчинились новымъ властителямъ страны, сохранившимъ тоже политическое устройство и ставшимъ къ нимъ въ тоже отношеніе.

Въ Вятской губерніи чудскія поселенія расположены по верховьямъ Камы, по Чепцѣ до ея средняго теченія и по Инжмѣ. Первые двѣ мѣстности заселялись, можно думать, съ притоковъ Камы, Обвы и Инвы, а послѣдняя, вѣроятно, съ Чепцы. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, именно по находкамъ монетъ и специально болгарскихъ вещей, верхне-камскія и чепецкія чудскія поселенія основаны, вѣроятно, уже въ болгарскій періодъ исторіи восточной камской колоніи. Такъ какъ здѣсь не найдено болѣе древнихъ поселеній, то можно думать, что оболгаренная чудь заняла эти мѣстности первою; можно также предположить, что заселеніе верховьевъ Камы и Чепцы было дѣломъ болгарскихъ торговцевъ-владѣтелей. Судя по находкамъ монетъ, время процвѣтанія верхне-камскихъ и чепецкихъ чудскихъ поселеній относится къ VII—X вв. и, слѣдовательно, совпадаетъ съ расцвѣтомъ болгарской культуры вообще.

Раскопки показываютъ, что вещи совершенно одинаковаго типа безразлично попадаютъ и въ болгарскихъ городахъ, и въ чудскихъ городищахъ. Вся разница между находками состоитъ въ томъ, что въ первыхъ встрѣчается значительно болѣе издѣлій восточнаго типа, а во вторыхъ — мѣдныхъ подвѣсокъ и идоловъ. вслѣдствіе чего пока нѣтъ никакой возможности выдѣлить вещи специально-болгарскія и специально-чудскія. Среди чепецкихъ находокъ вещами болгарскими и вообще восточнаго происхожденія

можно бы, кажется, считать слѣдующія: монеты, блюда, серебряные перстни, серьги, разноцвѣтныя бусы, глиняныя тонкой работы сосуды и проч.; мѣстными или рассчитанными на вкус чуди-потребителей можно бы, кажется, признать изъ находокъ слѣдующіе предметы: грубыя костяныя стрѣлы, кодоциги и бѣге изыщныя вещи и украшенія изъ кости (гребни, ухвертки, ложки, пуговицы), мѣдные литые идолы обще-чудскаго типа (чаще въ видѣ хищной птицы, иногда въ видѣ человѣка), столь любимыя всѣми финскими племенами привѣски въ видѣ пронизокъ, птицъ и кониковъ съ шумящими лапчатыми и бубенчико-образными подвѣсками, орнаментированныя спиральными и гроздеобразными украшениями, крѣпкая глиняная посуда, каменныя пряслица, точильные камни и разныя подѣлки изъ желѣза въ видѣ ральниковъ, замковъ, стрѣлъ, пожиковъ, колець и проч. Самыми характерными чудскими вещами намъ представляются идолы и металлическія украшения.

Какъ полугеомедальческій, полувѣроловческій народъ, не сплоченный стройнымъ политическимъ устройствомъ, интересами торговли и промышленности, чуждъ селилась отдѣльными родовыми группами, и потому нигдѣ на Камѣ мы не находимъ признаковъ такихъ большихъ городовъ, какіе мы знаемъ въ ея низовьяхъ и на Волгѣ. Чуждъ раскинула по берегамъ заселенныхъ ею рѣкъ и рѣчекъ сѣтъ небольшихъ городищъ, служившихъ, вѣроятно, не столько укрѣпленіями, сколько центрами администра-тивныхъ, торговыхъ и судебныхъ. Весьма возможно, что даже самое искусство построения такихъ городищъ перенято чуждою отъ другихъ народностей, напр. отъ тѣхъ же болгаръ; быть можетъ они принадлежали даже не самой чуди, а поселившимся среди нихъ болгарскимъ князьямъ или намѣстникамъ. Хотя сѣверо-восточныя финскія народности съ глубокой древности умѣли строить городища, очевидно нуждались въ нихъ и вѣроятно по Камѣ найдутся городища той же чуди, относящіяся къ отдаленному времени, но постройка верхо-камскихъ и чепецкихъ городищъ вполне своеобразна и обличаетъ болѣе искусную и болѣе культурную руку строителей. Ко времени заселенія Чепцы, чуждъ уже усвоила этотъ типъ укрѣпленій и перенесла его сюда въ такой чистотѣ, что чепецкія городища по устройству вполне аналогичны съ камско-чудскими, и только нѣкоторыя изъ нихъ, по своеобразнымъ условіямъ мѣстности, отступаютъ отъ этого, ставшаго

традиціоннымъ тина. Чудское городище почти всегда помѣщается на остромъ высокомъ мысу, огражденномъ съ доступной стороны однимъ, двумя, иногда тремя массивными валами. Между этими валами нерѣдко находится столь значительное разстояніе, что невольно приходится въ голову возможность провести аналогію ихъ сооруженія съ общезвѣстной исторіей расширенія древне-русскихъ городовъ путемъ образованія новыхъ посадовъ. Площади чудскихъ городищъ имѣютъ всегда значительно большіе размѣры, чѣмъ площадки извѣстныхъ намъ старыхъ финскихъ городищъ. Среднею длиною ея принимаемъ 50 саж.; это составитъ площадь, на которой можетъ раскинуться довольно сложное административно-промышленное поселеніе, помѣститься нѣсколько избранныхъ семей и въ случаѣ надобности здѣсь можетъ укрыться на время нѣсколько сотъ человѣкъ. Самая характерная черта чудского городища—это его уступы (одинъ, два или три, смотря по высотѣ мыса), которыми скаты городища оберегались отъ осыпанія. Изъ извѣстныхъ намъ чепецкихъ городищъ такой типъ имѣютъ напр. Балезинское, Учка-карское и Игна-карское. Нѣкоторыя другія, напр. Донды-карское и Поркарское, расположены по сравнительно низкой мѣстности, и слѣды укрѣпленія ихъ валами слабы, искусственныхъ уступовъ не замѣтно. Чепецкія чудскія городища тянутся вдоль теченія рѣки и нѣсколько отступая отъ него, главнымъ образомъ по ея правому берегу между устьями рѣчекъ Лозы и Лемы, слѣдовательно, на довольно ограниченномъ районѣ. Далѣе р. Косы несомнѣнно чудскихъ городищъ и вообще чудскихъ древностей пока не найдено.

Намъ извѣстны слѣдующія 17 чепецкихъ городищъ: два поморскихъ, балезинское, Сабанчи-каръ близъ Глазова, Игна каръ, Утѣмъ, Учка-каръ, Донды-каръ, два Поркарскихъ, Сепычъ-каръ, Парзинскій Пор-варъ, Уканскій Пор-варъ, Затцинскій Кара-вай. Мухинское, Ошланское, но мѣстные изслѣдователи знаютъ ихъ до 64. Изъ этихъ городищъ самыя богатя по находкамъ—Игна-карское и Донды-карское, а самое любопытное по вышнему устройству—Учка-карское. Мѣсть старинныхъ поселеній въ Глазовскомъ уѣздѣ г. Первухинъ насчитываетъ 84. Болѣе систематическія и цѣнныя находки чудскихъ вещей дѣлаются не столько на городищахъ, сколько на чудскихъ могильникахъ, которые представляютъ собою не что иное какъ старинныя кладбища и которыхъ

ь границахъ Глазовскаго уѣзда, вмѣстѣ съ позднѣйшими владѣнцами, открыто уже 157. Ближайшій къ Глазову чудской мольникъ носитъ названіе Чемшай; онъ расположенъ на одной изъ окрестныхъ высотъ и далѣ очень любопытныя вещи.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ не мало находокъ чудскихъ и восточныхъ вещей дѣлается совершенно случайнымъ образомъ, особенно при распаханіи новыхъ полей. Изъ случайныхъ находокъ амыя замѣчательныя слѣдующія: находка въ кестымской волости кувшина съ 1500 арабскими монетами VI—IX в. (1867 г.), 06 арабскихъ монетъ въ тыловайской волости (1884 г.), вухъ серебряныхъ блюдовъ съ изображеніемъ оленя, змѣи и собаки близъ уванскаго городища, двухъ замѣчательныхъ серебряныхъ блюдовъ въ окрестностяхъ Глазова (одно съ изображеніемъ еральдической птицы, другое съ изображеніемъ Діаны и различныхъ тропическихъ животных). Большихъ серебряныхъ ожельевъ, перстней, отдѣльныхъ монетъ и проч. находимо было множество. Самыя позднѣйшими по времени монетами оказываются золотоордынскія XIV в. Всего болѣе находокъ извѣстно изъ окрестностей Глазова.

На верховьяхъ Камы городищъ въ собственномъ смыслѣ мы пока не знаемъ, но здѣсь уже отмѣчено довольно много чудскихъ пепелищъ и весьма интересныхъ могильниковъ той же поры. Всего болѣе чудскихъ древностей открыто въ зюдинскомъ краѣ, особенно по теченію впадающей въ Каму рч. Колыча, гдѣ найденъ цѣлый рядъ чудскихъ могилъ, частью уже изслѣдованныхъ т. Первухинимъ и Шатровымъ. Самая важная находка, сдѣланная въ зюдинскомъ краѣ—небольшая плита съ чудскими письменами (?) Такъ какъ многія мѣстности на верховьяхъ Камы распаханываются ивовъ, то здѣсь болѣе, чѣмъ на Чепцѣ, находятъ мелкихъ мѣдныхъ чудскихъ издѣлій; самую крупную изъ числа отдѣльныхъ находокъ составляетъ серебряное блюдо съ изображеніемъ дракона, найденное въ Харинской волости.

Конечно, чепецкія древности еще не настолько намъ извѣстны, чтобы можно было утверждать, что среди нихъ нѣтъ городищъ и древностей иной поры, болѣе поздней, или даже болѣе ранней.

О чудскихъ низемскихъ городищахъ скажемъ ниже.

IV. Волгарскія древности и камни елабужскія городища.

Собственно болгарскими городищами въ Вятской губерніи мы рѣшаемся признать только два, елабужское и граканское.

Весьма извѣстное на Камѣ елабужское городище находится близъ г. Елабуги и расположено на весьма высокомъ выходящемъ на р. Каму мысу, между берегомъ и глубокимъ оврагомъ. Видъ отсюда на теченіе Камы обширѣйшій. Городище занимаетъ удлинненную площадку и должно быть отвесено къ числу самыхъ значительныхъ камскихъ городищъ, такъ какъ одна ширина этой площадки доходитъ до 55 саж., а длина ея, взятая вмѣстѣ съ укрѣпленіями, почти втрое больше. Укрѣпленія городища такъ основательны, что занимаютъ не многимъ менѣ половины всей площади городища. Они состоятъ изъ трехъ массивныхъ валовъ: двухъ прямыхъ и одного согнутаго подъ угломъ; другъ от друга валы отстоятъ болѣе чѣмъ на 25 саж., и представляется вѣроятнымъ, что подъ защитою ихъ нѣкогда существовали небольшіе посады.

Раскопка городища показала, что оно было занято въ разное время племенами разныхъ культуръ, о чемъ, по недостатку болѣе характерныхъ находокъ, придется судить по находкамъ черепковъ, которыхъ найдено здѣсь четыре типа: древніе съ раковинною примѣсью и городчатымъ узоромъ, не встрѣченныя на другихъ вятскихъ городищахъ, болгарскіе черной и красной глины, грубые черепки котловскаго типа и наконецъ позднѣйшіе русскіе. Находки черепковъ, а также другихъ предметовъ позволяютъ сдѣлать предположеніе, что елабужское городище принадлежало болгарамъ, составляя, вѣроятно, самый сѣверный пунктъ ихъ владѣній въ низовьяхъ Камы; кто занималъ это мѣсто до болгаръ, мы не знаемъ, но трудно допустить, чтобы столь удобная мѣстность не была никѣмъ занята ранѣе. Болгары любили селиться большими городами, и потому сравнительно маленькое елабужское городище едва ли не было сооружено какимъ нибудь народомъ еще до появленія ихъ на Камѣ, но исполнѣ опредѣлено этого мы, конечно, не можемъ утверждать.

Широкою извѣстность свою елабужское городище приобрѣло благодаря находившемуся на немъ загадочному каменному сооруженію. Теперь отъ него осталась весьма незначительная часть

въ видѣ одностою стоящей круглой башни (притомъ же сильно юдновленной), а въ прежнемъ своемъ видѣ это сооруженіе представляло высокій, почти ввадратный каменный четырехугольникъ, крѣпленный восемью выступающими изъ него круглыми и полукруглыми башнями, и было весьма своеобразно. Одна башня, южная, была треугольная. Все сооруженіе имѣетъ небольшіе размѣры: каждая изъ четырехъ стѣнъ имѣла въ длину цѣлаго борта 8 саж., въ высоту до 2 саж.; первоначальная высота башенъ была не выше 3 саж., а діаметръ ихъ внутри имѣетъ 2 саж.; башни имѣли, кажется, два этажа, прикрытіе ихъ было деревянное. Входъ былъ, можно думать, одинъ, очень узкій, между двумя близко стоящими другъ къ другу башнями, со стороны Тоймы. Южная четырехугольная и башенъ имѣла всюду одинаковую толщину (1 арп.) и сложена изъ довольно крупнымъ круглымъ камней, скрѣпленнымъ отличнымъ известковымъ цементомъ. Кому принадлежитъ это сооруженіе и каково его первоначальное назначеніе? Принадлежитъ оно, конечно, болгарамъ или татарамъ, и назначеніе его мы пока не рѣшились опредѣлить, но во всякомъ случаѣ это не цитадель, такъ какъ размѣры его для такой цѣли слишкомъ незначительны. Вѣроятно, это или что-нибудь въ родѣ караванъ-сарая, или, что всего вѣрнѣе, гробница какого-нибудь хана или святого. Последнее предположеніе можно основать между прочимъ на томъ обстоятельстве, что сооруженіе наиболѣе характерною своею частью (тою стороною, гдѣ расположена треугольная башня) обращено на югъ. Не есть ли это гробница Амлянъ-ходжи и другихъ послѣдователей пророка, которую, по словамъ Шерефъ-эддина, посетилъ на устьѣ Тоймы Гимуръ? Или можетъ быть это подражаніе какой-нибудь знаменитой мусульманской постройки, вродѣ Каабы?

Пр. Невоструевъ древнѣйшее упоминаніе объ елабужскомъ городищѣ нашелъ у Шерефъ-эддина (XVI в.), который называетъ его Суддумомъ (Содумъ). Лѣтописи наши не упоминаютъ этого городища, если не приурочивать къ нему явѣстнаго по лѣтописямъ города Брехимова на Камѣ, что представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Въ 1614 г. на городищѣ основанъ былъ православный монастырь, существовавшій здѣсь ровно 150 лѣтъ, до 1764 года.

Граханское городище находится на самомъ устьѣ р. Вятки близъ дер. Граханъ и назначалось, можно думать, для наблюде-

ніа за этою рѣкою. Ни вѣншиимъ видомъ, ни находками оно не замѣчательно.

Близъ устья р. Витиы находятся еще два городища, которыя мы не знаемъ къ какой группѣ причислить, и описываемъ ихъ въ числѣ болгарскихъ городищъ только потому, что они не походятъ на другія камскія укрѣпленія этого рода. Одно изъ нихъ занимаетъ вершину замѣчательной по высотѣ и оригинальному виду такъ называемой «Котловской Шинки», а другое расположено на мысу межъ двумя оврагами близъ с. Котловен. Котловская Шинка защищена въ разныхъ мѣстахъ нѣсколькими валами, изъ которыхъ главный, ограждающій площадку со стороны поля, имѣетъ до 90 саж. длины и очень массивенъ, въ двухъ мѣстахъ имѣетъ проходы, прямъ. Культурный слой слабъ. Котловское городище имѣетъ два вала и по вѣншиему виду ничѣмъ не замѣчательно, но находимые на немъ черепки весьма отличны отъ черепковъ всѣхъ другихъ камскихъ городищъ: они грубы, толсты, не имѣютъ раковинной примѣси и украшеній: сосуды этого городища имѣютъ прямое дно.

V. Вотсиія древности.

Камскія саранульскія городища. Городищъ этой группы намъ извѣстно пока 27. Они расположены по правому высокому берегу р. Камы и тянутся между устьями впадающихъ въ нее справа же рѣкъ Сивы и Ижа, на разстояніи по линіи берега до 300 вер., т. е. на пространствѣ сравнительно небольшомъ. Ни гдѣ въ губерніи (кромѣ Чепцы) городища не расположены такъ часто, особенно если принять во вниманіе то несомнѣнное обстоятельство, что городища этой мѣстности намъ извѣстны не всѣ. Интересно также то, что городища описываемой группы не перебиваются городищами другихъ типовъ.

Лѣвный берегъ Камы отъ рѣки Сивы до Ижа представляетъ обширную низменность, далеко заливаемую весеннею водой и занятую значительнымъ количествомъ рѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ велики, что по нимъ совершается правильное пароходное сообщеніе. Правый же берегъ Камы на этомъ протяженіи весьма высокъ и перерѣзывается только незначительными ручейками. Онъ представляетъ собою страну очень отлогихъ холмовъ, сливающихся другъ съ другомъ и выходящихъ на берегъ безпорядочными обрывами, отрогами, складками, а мѣстами крутой стѣ-

ной. Нерѣдко высокій беретъ отдѣляетъ отъ рѣки огромными до-
сами. Кромѣ устья самой значительной здѣсь рѣчки Саранули,
наиболѣе удобныя для поселенія мѣста находятся на оригиналь-
ныхъ камскихъ береговыхъ складкахъ, на отрогахъ, на значи-
тельныхъ оползняхъ берега и близъ ущелій. Почти всѣ наиболѣе
удобны изъ такихъ мѣстъ оказываются занятыми старинными
городищами. Склады выходятъ на берегъ Камы въ слѣдующихъ
пунктахъ: выше Гольянъ, д. Макарова, с. Нечкино, д. Дулесово,
с. Яромазъ, д. Непряхина, д. Можная, с. Мазунино, с. Галаново,
д. Сухаровка, с. Юнга, с. Колесниково, с. Чеганда; почти всѣ
они заняты городищами. Городищами заняты также мысы, рас-
положенные ниже по теченію Камы, начиная отъ устья Бѣлой
до устья р. Ижа (азуевское, малиновское и др. городища). Наибо-
лѣе удобныя для поселенія береговые оползни заняты с. Усть-
Рѣчкой, с. Гольяны и с. Пьяный Боръ, но городищъ здѣсь мы
не знаемъ: вѣроятно, они сооружались исключительно на мѣст-
ностяхъ господствующихъ. Надъ ущельемъ расположено городи-
ще чегандинское. Нѣсколько городищъ расположено по теченію
впадающихъ въ Каму рѣчекъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея
берега (дуванакское и ныргидинское). Въ мѣстахъ, особенно удоб-
ныхъ для поселенія, находимъ наибольшее количество городищъ;
такими мѣстами оказывается течение Камы отъ Нечкина до Са-
ранула, берегъ противъ устья р. Бѣлой и окрестности с. Пья-
ный Боръ.

Всѣ саранульскія городища расположены на выдающихся
по высотѣ пунктахъ; въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно
мѣстоположеніе городищъ непряхинскаго, машкарскаго, караку-
линскаго и юнгинскаго, съ которыхъ окрестности и теченіе
Камы видны на огромныя разстоянія.

Почти всѣ городища этой группы имѣютъ значительные
размѣры—они не меньше чудскихъ ченецкихъ и значительно
больше восточныхъ и средне-вятскихъ. Особенно велики по
площади городища воткинское, Чупиха, ныргидинское, малинов-
ское (свыше полудесятны); самыя небольшія городища—второе
малиновское и непряхинское.

Въ приемахъ укрѣпленія саранульскихъ городищъ замѣчается
значительное разнообразіе, доказывающее съ одной стороны
опытность строителей, а съ другой—отсутствіе традиционныхъ,
условныхъ формъ (какія могли бы сложиться напр. въ томъ слу-

чаѣ, если бы городища имѣли религиозное значеніе). Городища воткинское, нечкинское, Чушиха укрѣплены тремя валами и рвами, причемъ валы перваго на своемъ протяженіи дважды сгибаются почти подъ прямымъ угломъ, а валы нечкинскаго спускаются на много сажень по одному изъ склоновъ. Городище усть-нечкинское состоитъ изъ двухъ лежащихъ другъ къ другу тыломъ городищъ, два юнъгинскихъ расположены подъ угломъ. Одно изъ юнъгинскихъ городищъ защищено двумя валами, а чегандинское и ныргядинское кромѣ одного основного вала имѣютъ еще по другому, проходящему по среднѣй площади, какъ на елабужскомъ болгарскомъ городищѣ. Въ остальныхъ городищахъ по одному валу; одинокіе валы имѣютъ вообще внушительный видъ, но иногда они отъ времени почти уже сгладились съ почвой. Валы рѣдко отличаются изыщной формою, такъ какъ очевидно были посыпаны для дѣйствительной защиты, а не для украшенія. Они вообще прямы и рѣдко имѣютъ концы нѣсколько загибающіеся.

Въ укрѣпленіи нѣсколькихъ саранульскихъ городищъ замѣчена особенность, сближающая ихъ съ чепецкими—именно уступы. Слѣды уступа, тинувшагося по лѣвому склону площади, можно видѣть на непрякинскомъ городищѣ; уступы существуютъ также на двухъ караулинскихъ городищахъ, изъ которыхъ на одномъ они спускаются внизъ какъ дороги. Однако не видно, чтобы устройство уступовъ у описываемыхъ городищъ было общимъ.

Всѣ саранульскія городища сходны между собою въ томъ отношеніи, что культурный слой на нихъ весьма незначителенъ; даже тамъ, гдѣ онъ массивнѣе, онъ почти не даетъ никакихъ другихъ находокъ кромѣ черепковъ и расколотыхъ костей. По своей безсодержательности эта группа городищъ можетъ быть поставлена на ряду съ яранскими и средне-вятскими. Больше другихъ богаты находками городища чегандинское и ныргядинское, но быть можетъ они находились подъ постороннимъ влияніемъ или прямо принадлежали другой народности (выше было указано, что оба эти городища имѣютъ своеобразную систему укрѣпленія, отличную отъ укрѣпленій другихъ саранульскихъ городищъ).

Металлическихъ находокъ съ саранульскихъ городищъ мы, можно сказать, не знаемъ, и соединяемъ эти городища въ одну

группу лишь благодаря внимательному анализу других сдѣланных на нихъ находокъ, главнымъ же образомъ—глиняныхъ черепковъ, которые въ подобныхъ случаяхъ становятся для археолога неоцѣненнымъ пособіемъ.

Сосуды сарапульскихъ городищъ вообще сработаны изъ темной глины съ мелко раковинною примѣсью; на нѣкоторыхъ городищахъ преобладаютъ черепки изъ красной, сѣрой или желтой глины, на другихъ (яромазское, неприхинское, межнинское, веткинское, сухаревское) попадаются черепки безъ примѣси, на нѣкоторыхъ—съ крупною раковинною примѣсью (зуевское, пятаборское). По составу выдѣляются только черепки съ верхне-малиновскаго городища, сѣрые съ крупною раковинною примѣсью, очень крѣпкіе и звонкіе, вообще же черепки слабы, рыхлы и потому рѣдко попадаютъ въ большихъ фрагментахъ. Сосудовъ съ прямымъ дномъ нигдѣ не встрѣчено, край ихъ всегда прямой и только у сосудовъ малыхъ размѣровъ онъ сгибается; на городищахъ муновскомъ и ниже-малиновскомъ встрѣчены сосуды съ вѣшними поясами на краю, а на зуевскомъ, нечкинскомъ и верхне-малиновскомъ—съ внутренними. Большинство черепковъ лишено орнамента. Украшенія встрѣчены только трехъ типовъ: веревчатый, ногтевой и кружковый. Случается, что на разныхъ городищахъ преобладаетъ разный орнаментъ: на муновскомъ, юнгинскомъ, межнинскомъ, сухаровскомъ, каравулинскомъ преобладаетъ веревчатый, на неприхинскомъ и межнинскомъ встрѣченъ только кружковый, въ сухаровскомъ исключительно ногтевой, въ зуевскомъ, яромазскомъ одинаково употребительны всѣ формы орнамента, въ усть-нечкинскомъ почти нѣтъ черепковъ съ узорами. Только на чегандинскомъ и юнгинскомъ городищахъ встрѣчены сосуды грубой работы. Вообще же нашъ внимательный и самый кропотливый разборъ добытыхъ съ описываемой группы городищъ черепковъ показалъ, что они всюду очень сходны по составу, формѣ и орнаменту и что различіе между ними не существенно.

Видѣтъ съ черепками на сарапульскихъ городищахъ часто попадаетъ галька (цѣлая и въ кускахъ) и расколотыя кости (свиньи, птицъ, медвѣди, кабана, осетра). Кости встрѣчаются въ измельченномъ видѣ, и ихъ всегда бываетъ мало. На городищахъ яромазскомъ, неприхинскомъ, машкарскомъ и нѣкоторыхъ другихъ встрѣчены обломки раковины *unio*. Находкой,

въ значительной степени объединяющей сарапульскія городища, служить обломки жернововъ изъ мелкаго краснаго песчаника, съ сглаженными поверхностями, встрѣченные на многихъ городищахъ, начиная отъ воткинскаго и кончая ниже-малиновскимъ, т. е. на всемъ протяженіи изучаемыхъ городищъ. На городищахъ зуевскомъ и ыргидинскомъ встрѣчены обломки жернововъ известковыхъ (какъ на елабужскомъ). На городищахъ усть-печьянскомъ, яромазскомъ и муновскомъ найдены плавильные тигли и даже формы для литья, на вѣкоторыхъ другихъ — желѣзныи и мѣдный шлаки. На городищахъ муновскомъ, зуевскомъ и чегандинскомъ найдены одинаковой формы оригинальныя маленькія наприсла, а на послѣднемъ сверхъ того наприсла обыкновенной болгарской формы.

Любопытно, что племя, оставившее сарапульскія городища, не всегда ограждало свои поселенія валами. Намъ встрѣченъ мѣста, покрытыя тѣмъ же черепками и совершенно не защищенныя.

Какому народу могли принадлежать описываемыя городища? Внимательное сравненіе сарапульскихъ и средне-вятскихъ, т. е. вотскихъ городищъ даетъ намъ возможность сдѣлать предположеніе, что тѣ и другія принадлежали одному племени. Городища обѣихъ указанныхъ группъ одинаково малосодержательны, а находки, на нихъ встрѣченныя, тождественны: тѣ же черепки, тѣ же жернова, голыши и битая галька. Единственное несходство заключается въ томъ, что камскія городища значительно больше вятскихъ и укрѣпленія ихъ сложнѣе, чѣмъ у послѣднихъ. Такъ какъ у одного и того же народа назначеніе укрѣпленныхъ пунктовъ въ разныхъ мѣстностяхъ могло быть различное, то различіе въ этомъ отношеніи городищъ той и другой группы можно считать несущественнымъ, и потому мы рѣшаемся городища сарапульской группы признавать также вотскими, пока не найдутся достовѣрныя доказательства принадлежности ихъ другому народу. Есть историческія свидѣтельства XVI, XVII и даже XV в. (довольно, впрочемъ, неопредѣленные), подтверждающія наше предположеніе, что сарапульскій берегъ Камы въ это время заселяли вотяки. Откуда и когда явились вотяки въ этомъ краѣ, какое общеніе имѣли они съ вятскими вотяками — на эти вопросы мы не можемъ дать надежнаго отвѣта. Не можемъ сказать и того, въ какомъ отношеніи сарапульскіе вотяки стояли къ

болгарамъ и ихъ культурѣ. Отсутствие на камскихъ городищахъ предметовъ чуждой и болгарской культуры повидному показываетъ, что они возникли послѣ паденія болгарскаго царства, быть можетъ въ то время, когда Болгары уже утратили свое значеніе, а татары еще не обратили вниманія на эту область, и вотяки были предоставлены самимъ себѣ въ защитѣ отъ новыхъ появившихся по ту сторону Камы враговъ, (башкирцевъ), т. е. между XIII и XV в. Улу-Махметъ сдѣлалъ ихъ своими данниками и въ то же время сталъ для нихъ лучшимъ защитникомъ, такъ что имъ уже не предстояло болѣе нужды въ возведеніи новыхъ или болѣе сильныхъ городковъ. Принимая это предположеніе, приходимъ къ другому, что періодъ процвѣтанія сарапульскихъ городковъ былъ не продолжителенъ, быть можетъ всего 200—250 лѣтъ.

Къ группѣ сарапульскихъ вотякихъ городищъ мы причисляемъ слѣдующія: воткинское, паздерское, дуванакское, нечкинское, усть-нечкинское, яромаское, Чупиху, непрахинское, мешнинское, сухаровское, машкарское, два каракулинскихъ, два юнгинскихъ, колесниковское, два чегандинскихъ, ныргидинское, два зуевскихъ, два малиновскихъ, два муновскихъ и пьяноборское, всего 27.

Городища по рч. Ижы и Тоймѣ. По затѣшливому разнообразію въ укрѣпленіи и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ городища этой группы похожи на сарапульскія, но различіе находящихся на нихъ черепковъ такъ значительно, что до новыхъ изслѣдованій мы рѣшаемся выдѣлить ихъ въ особую группу, хотя всетаки надо сознаться, что основанія для этого довольно патки. Черепки этихъ городищъ очень разнообразны по составу (сѣрые, красные, желтые, свѣтло-бурые и черные), слабы, весьма рѣдко имѣютъ раковинную примѣсь, притомъ же самую легкую, грубо обработаны и почти лишены орнамента. Встрѣченъ узоръ югтевой и кружковый; края сосудовъ иногда украшены рубчиками. Изъ жернововъ встрѣченъ лишь обломокъ известняка, битой гальки не встрѣчено, напрасль тоже.

Если признать, что различіе въ черепкахъ между городищами сарапульскими и ижевскими объясняется свойствомъ мѣстной глины и болѣе поздней постройкой городищъ, то близость ихъ и другихъ городищъ, сходство ихъ въ различныхъ отношеніяхъ и отсутствіе существеннаго различія даютъ нѣкоторое право отнести ихъ къ одной культурѣ и народу, если и не къ одному

времени. На р. Ижѣ могло поселиться тоже самое племя, которое выставило по Камѣ первую линію городковъ, а впоследствии принуждено было оставить ее и обратиться дагѣ въ лѣса.

Въпротивно, рядъ этихъ городницъ продолжается по теченію р. Вала и уходитъ къ Вяткѣ, но археологическіе памятники этой мѣстности остаются еще неизвѣстными. Быть можетъ, со временемъ окажется, что сарапульскіе вояки по Валѣ имѣли общеніе съ вятскими.

Городницъ этой группы извѣстно мало: бобья-учинское, варзи-ятчинское, кузубаевское и утчанское. Бобья-учинское городище представляетъ длинный, узкій и низкій отрогъ, укрѣпленный по срединѣ тремя кольцеобразными валами—укрѣпленіе единственное въ своемъ родѣ; валъ варзи-ятчинскаго городища пересѣкаетъ мысъ въ поперечномъ направленіи, затѣмъ перегибается подъ прямымъ угломъ и вмѣстѣ съ площадкой спускается внизъ еще на 20 саж. (укрѣпленіе этого городища оригинально еще тѣмъ, что кромѣ вѣнчатаго рва вдоль всего вала идетъ еще внутренній); утчанское городище кромѣ одного массивнаго вала укрѣплено двумя небольшими вспомогательными, которые идутъ въ одну линію сейчасъ за рвомъ и рвами сопровождаются, но не соприкасаются между собою и даютъ широкій проходъ къ главному валу; по лѣвой сторонѣ того же городища идетъ небольшой уступъ.

Могилишки, старая поселенія и отдѣльная находка въ районѣ камскихъ городищъ.—Изъ древностей этого рода наше вниманіе привлекаютъ прежде всего два древніе могильника, пьяноборскій и муновскій, расположенные близъ другъ друга на высокой верхней террасѣ у с. Пьяный Боръ. Оба могильника уже совершенно разрушены временемъ, но еще дали значительное количество находокъ, по которымъ можно заключать, что они относятся къ довольно отдаленному времени. Многія изъ находокъ такъ характерны, что рѣзко выдѣляются изъ другихъ камско-вятскихъ древностей, каковы особенно: накольчужники, ручки отъ ножа, пряжки, сережки и поясной наборъ. Накольчужники представляютъ собою большія круглыя выпуклыя блины съ прикрѣпленными къ нимъ большими же пластинками; въ общемъ они имѣютъ видъ эполетообразныхъ шитковъ и снабжены взрѣчатыми украшеніями. Ручки отъ ножа или кинжала постепенно суживаются къ тому концу, въ который вставлялось лезвіе; они

также украшены шнуровымъ орнаментомъ, сплюснуты, и на одной сторонѣ имѣютъ большія вырѣзки. Прижки, значительныхъ размѣровъ и въ общемъ походятъ на подобныя же чуждскія и современныя черемисскія; онѣ состоятъ изъ широкихъ и тонкихъ круглыхъ пластинокъ, снабженныхъ язычкомъ для застегиванія. Серезки встрѣчаются совершенно конусообразныя съ тонкимъ колечкомъ на концѣ и еще другого типа — витыя изъ проволоки въ видѣ спирали. Поясной наборъ очень характеренъ, такъ что его тотчасъ легко отличить: онъ состоитъ или изъ круглыхъ выпуклыхъ пластинчатыхъ пуговокъ, или изъ выпуклыхъ же продолговатыхъ съ зубчатымъ украшеніемъ пластинокъ, или изъ сложныхъ пластинокъ съ обращенными въ разные стороны рожками на концахъ. Очень обыкновенныя находки на могильникахъ представляютъ большія, круглыя, совершенно гладкія бляшки до 3 вер. въ діаметрѣ. Любопытны также стеклянныя дынеобразныя бусы и такія, же вылитыя въ подражаніе имъ изъ бронзы; цвѣтныхъ бусъ болгарскаго типа не найдено. Кромѣ того на могильникахъ были найдены: небольшія плоскія подвѣски къ ожерелью, маленькія мѣдныя стрѣлки обычнаго типа, обломки желѣзныхъ предметовъ, а также черенки типа сарапульскихъ городищъ, глиняные кружки и напярсла, обломки костяныхъ вещей, точильные камни изъ мелкаго краснаго песчаника, куски мѣднаго и желѣзнаго шлаку; фрагменты формъ для отливки.

Внимательное изученіе предметовъ, добытыхъ на указанныхъ двухъ могильникахъ и на аналогичномъ малмыжскомъ, позволяетъ, намъ кажется, высказать сомнѣніе въ принадлежности ихъ къ бронзовому вѣку. Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что среди всѣхъ найденныхъ на нихъ вещей вовсе не оказалось бронзоваго или мѣднаго оружія: ни кельтовъ, ни молотовъ, ни княжатовъ, ни копій; сдѣланными изъ бронзы, или точнѣе изъ мѣди, оказываются только украшенія и частыя предметы вооруженія: накольчужники, прижки, поясной наборъ, бляхи, серьги, шейные обручи и пр. Къ предметамъ ананьинскаго могильника пьяно-борскіе не имѣютъ никакого отношенія. Вѣсьма вѣроятно, что оригинальные пьяноборскіе накольчужники представляютъ собою одну изъ международныхъ формъ, данныхъ вамскому краю вмѣстѣ съ другими подобными предметами Сибирью. Накольчужники самаго ископаннаго пьяно-борскаго рисунка найдены на Выгодѣ около

Дренска, въ мѣстности, съ которою низовья Камы и Вятки не могли имѣть никакого непосредственнаго сообщенія, откуда ясно, что подобныя предметы получались гдѣ-то на верховьяхъ Камы и отсюда шли черезъ Сысолу и Вычегду на Двину и черезъ Каму до Волги.

Оба могильника отнесены нами въ группѣ камскихъ городищъ, можно сказать, безъ всякаго основанія. Конечно, не невозможно, что и могилы, и городища оставлены однимъ народомъ (можетъ быть въ разное время исторической жизни), но въ пользу этого предположенія мы пока можемъ привести лишь то обстоятельство, что на могильникахъ встрѣчены совершенно такія же черепки, наприсла и обломки жернововъ, какъ и на сосѣднихъ городищахъ; ясно, что это доказательство теряетъ всякую цѣну, если предположить, что указанные предметы остались отъ поселенія, располагавшагося на могильникѣ много вѣднѣе, чѣмъ онъ былъ насыпанъ. Въ малмыжскомъ могильникѣ черепковъ, на сколько извѣстно, не встрѣчено.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о мѣстахъ старинныхъ поселеній и кладбищъ въ районѣ сарапульскихъ городищъ. Мѣста старинныхъ жилищъ указываютъ на рч. Бисарихѣ, близъ д. Бисарки, около д. Котовой и въ поч. Заборьѣ. У послѣдняго подъ часовней предполагаютъ старинное чудское кладбище. Два старыя поселенія указываютъ близъ с. Александровскаго у д. Карашуръ и Потицымъ. Инородческое старинное чудское кладбище находится рядомъ съ православнымъ кладбищемъ въ с. Пыный Боръ. Отдѣльныя находки желѣзныхъ предметовъ и мѣдныхъ бляхъ извѣстны изъ слѣдующихъ мѣстностей: д. Ятцы асановской вол., д. Кичкутантъ, поч. Русскій Ахтіаль, д. Лагунова, с. Грахово, д. Бима елабужскаго уѣзда.

Пижемскія чудскія городища и другія древности. Прежде чѣмъ заняться описаніемъ западныхъ вотскихъ городищъ вятскаго края, считаемъ удобнымъ передать нѣкоторыя свѣдѣнія о чудскихъ древностяхъ, откуда-то проникшихъ въ эту часть губерніи и смѣшавшихся здѣсь съ древностями чисто вотскими. Мѣста чудскихъ поселеній расположены главнымъ образомъ по р. Пижемѣ, гдѣ мы въ настоящее время знаемъ три чудскія городища: бурыгинское, ижевское и еманаевское, но въ дѣйствительности ихъ здѣсь, вѣроятно, болѣе. Два послѣднія городища по множеству находимыхъ на нихъ тиглей и лычкочъ слѣдуетъ признать

мастерскими. Кромѣ этихъ предметовъ на нижемскихъ городищахъ найдены: востянныя стрѣлы, ложки, вязальныя иглы и особенныя лопаточки, стеклянныя бусы, каменные напярсла, бронзовыя лапчатая подвѣски и бляшки чудского типа, желѣзные ножи, стрѣлы, молотки и проч., нѣкоторыя серебряныя вещи (колечки, бляшки). Сосуды нижемскихъ городищъ сработаны изъ красной или чаще темной глины съ какою-нибудь растительною и весьма рѣдко раковинною примѣсью и почти всегда снабжены по краю рубчиками; другой орнаментъ рѣдокъ, но зато на лучшихъ сосудахъ онъ очень сложенъ и изыщень: онъ состоитъ изъ сплошной полосы въ 8—20 тонкихъ шнуровыхъ линий, украшенной снизу красивыми елкообразными свѣсами или звѣздообразными кружками.

Въ районѣ нижемскихъ городищъ найдены также различныя серебряныя и мѣдныя вещи, обычныя для чудскихъ ченецкихъ древностей: серебряныя блюда, витыя ожерелья, мѣдныя браслеты съ кружковымъ орнаментомъ, лапчатая подвѣски, прищипы, пронизки и проч. Такія вещи находятъ не только по Пяжмѣ, но также въ глубинѣ иранскаго и уржумскаго уѣздовъ, гдѣ можно указать городища, аналогичныя по черепкамъ съ нижемскими (напр. шуйское и певниинское). Есть основанія думать, что въ разныхъ мѣстахъ указаннаго района существуютъ чудскія кладбища.

Откуда и въ какое время чудская культура проникла на Лижму, въ какомъ отношеніи находилась она къ культурѣ собственно вотской—всѣ эти вопросы найдутъ точное рѣшеніе лишь современнымъ. Мы могли только подмѣтить, что нижемскія чудскія древности имѣютъ сравнительно съ ченецкими позднѣйшее происхожденіе (такъ что, бронзовыя подвѣски почти не успѣли окислиться, нѣкоторыя серебряныя вещи, напр. ожерелья, стали выработываться нѣсколько иначе) и не вполне съ ними совпадаютъ (среди нижемскихъ древностей до сихъ поръ найдено мало чудскихъ подвѣсокъ и болгарскихъ бусъ), затѣмъ намъ ясно, что чудскія нижемскія городища существовали одновременно съ вотскими средне-витскими и съ иранскими одо-лемами. Еще нѣтъ вполне достаточныхъ основаній утверждать, что по Лижмѣ разселилась часть чудскаго племени, изгнаннаго или вытѣсненнаго экономическими условіями изъ какого-нибудь стационарнаго центра чудской народности: можетъ быть городища этой

мѣстности есть не болѣе какъ своего рода фабрики чудскихъ мастеровъ. Съ Чепцы или Волги проникла на Пижму чудская культура, мы не можемъ сказать, такъ какъ вовсе не знакомы съ волжскими и ветлужскими древностями. Въ бассейнѣ Пижмы, какъ и на Чепцѣ, найдены ордынскія монеты XIV в., но дѣлать отсюда какой-нибудь выводъ мы не рѣшаемся; находокъ арабскихъ монетъ изъ этой мѣстности пока неизвѣстно.

Одо-лемь. Въ глубинѣ яранскаго и уржумскаго уѣздовъ, гдѣ какъ оказывается по новѣйшимъ изысканіямъ, жили нѣкогда вотяки, открыто нѣсколько (пока 5—7) городищъ, которымъ мѣстные черемисы даютъ названіе «одо-лемь», т. е. вотское жилие. Всѣ эти городища не велики, слабо укрѣплены и почти лишены находокъ. Найденные на нихъ черенки позволяютъ провести аналогію ихъ съ вотскими средне-вятскими городищами, съ которыми они сходны также и по своей безсодержательности. Мы думаемъ, что современемъ будетъ открыто значительно болѣе городищъ этого типа, чѣмъ извѣстно ихъ теперь, и тогда будетъ можно дать болѣе опредѣленную характеристику ихъ, а также рѣшить, въ какомъ отношеніи находятся они къ чудскимъ пажемскимъ городищамъ, чего мы, по недостатку свѣдѣній, не можемъ сдѣлать теперь. Извѣстные въ настоящее время одолеми разсѣяны отъ Царевосанчурска до Уржума; вотъ ихъ перечень: шуйское, ернурское, кормановское, шевнинское и кузнецовское.

Отдѣльные предметы чудскаго типа и вещи болѣе поздняго происхожденія найдены въ слѣдующихъ мѣстностяхъ яранскаго и уржумскаго уѣздовъ: д. Малые Ключи (близъ устья Пижмы), дер. Бурытина на Немдѣ, д. В. Тумануръ, с. Тужи, поч. Речважъ (близъ с. Шаранги), поч. Лоскутовъ, с. Уста, поч. Высокогривскій, поч. Казанскій, д. Кожи (близъ Яранска), д. Климары, с. Кувшинское, г. Царевосанчурскъ, с. Ковшага, д. Куглянуръ, д. Чумбари, д. Важина, с. Черемисскій Малмыжъ, поч. Тарасовскій, с. Лопьяль.

Старыя владбища отмѣчены при слѣдующихъ поселеніяхъ той же мѣстности: д. Юронга, с. Соболевское, с. Уста, с. Шаптинское, с. Сметанино, с. Черемисскій Малмыжъ, с. Биляморское. Весьма любопытною древностью является утесъ, находящійся въ долинѣ р. Немды и посвященный черемисами ихъ богу Чвибулату, на которомъ нѣкогда было сооружено изъ каменныхъ глыбъ что-то въ родѣ храма.

Въ той же мѣстности, именно на Вяткѣ близъ с. Черемис-

скій Малмыжъ, найденъ очень любопытный древній могильникъ («Атамановы кости»), вполне аналогичный по находкамъ съ обоими пьяно-борскими могильниками. Могильникъ расположенъ на оползнѣ крутого праваго берега р. Вятки. Онъ уже почти смытъ водою, но во время произведенныхъ раскопки обнаружили здѣсь нѣсколько еще сохранившихся костяковъ и при нихъ различныя вещи: накольчужники, бляхи, бронзовыя пряжки, поясной наборъ, желѣзные ножи, стрѣлы, шилья, браслеты, подвѣски, стеклянныя бусы и проч. Подобный же могильникъ, по слухамъ, существовалъ ниже по теченію р. Вятки близъ поч. Воробьевскаго.

Аналогія между находками въ малмыжскихъ и пьяно-борскихъ могильникахъ, конечно, еще не доказываетъ, что они оставлены непременно однимъ и тѣмъ же племенемъ, такъ какъ находки эти въ большинствѣ случаевъ имѣютъ характеръ международныхъ издѣлій. Кому могильникъ «Атамановы кости» могъ принадлежать? Вопросъ этотъ для насъ въ настоящее время не разрѣшимъ, и мы относимъ этотъ могильникъ механически къ группѣ вотскихъ одолемовъ, какъ пьяноборскіе могильники отнесли къ группѣ вотскихъ сарапульскихъ городищъ.

Средне-вятскія городища. Между устьемъ Пижмы и Моломы не сохранилось ни одного городища; если они и были здѣсь, то теперь совершенно смыты рѣкою. Впрочемъ есть основанія думать, что до поздняго времени, напр. до XVII в., прилегающая къ этой части берега р. Вятки мѣстность была занята дремучими лѣсами и почти не была обитаема, слѣдовательно возможно, что здѣсь никогда и не было городищъ. Городища идутъ уже далѣе вверху по теченію Вятки, между устьемъ Моломы и Чепцы и частью заходятъ на нижнее теченіе послѣдней. Въ этой мѣстности ихъ насчитывается 12 или 13: котельническое, два моломскихъ, истобенское, орловское, два подрельскихъ, два вятскихъ, никулицкое, подчуршинское и вріоборское.

Внѣшній видъ средне-вятскихъ городищъ самый обычный для этого рода укрѣпленій: они занимаютъ площадку на вершинѣ мыса, образованнаго берегомъ рѣки и какимъ-нибудь оврагомъ, и ограждены съ доступной стороны валомъ и рвомъ. Размѣры ихъ незначительныя; самое малое городище (одно изъ вятскихъ) имѣетъ столь ничтожную площадь, что на ней съ трудомъ могла бы умѣститься самая убогая хижина съ небольшимъ дворовымъ мѣстомъ. Въ устройствѣ укрѣпленій оригинально то, что

валы нѣкоторыхъ городищъ, кажется, насыпались не вразъ, а постепенно и состоятъ главнымъ образомъ изъ земли, оказавшейся излишнею на площадкѣ; вообще укрѣпленія городищъ слабы. вслѣдствіе чего они дошли до нашего времени въ очень разрушенномъ видѣ. Оригинальнѣе другихъ валъ вятскаго наговицынскаго городища, небольшой и изячно выгнутый въ видѣ полумѣсяца.

Изъ всѣхъ средне-вятскихъ городищъ самое своеобразное по внѣшнему устройству—подчуршинское; оно расположено на вершинѣ высокаго холма и не имѣетъ никакого укрѣпленія, но зато бока этого холма прорѣзаны нѣсколькими уступами, какъ на мухинскомъ и нѣкоторыхъ чудскихъ и камскихъ городищахъ.

Культурный слой на средне-вятскихъ городищахъ очень незначителенъ, иногда почти вовсе отсутствуетъ. Находки на нихъ попадаются весьма скудныя: кромѣ черепковъ здѣсь встрѣчаются только раздробленныя кости, обломки жернововъ и битая галька. изрѣдка какой-нибудь самый обыкновенный предметъ изъ желѣза или мѣди, напр. стрѣлы, ножички, разные обломки. Жернова встрѣчены двухъ родовъ: изъ мелкаго краснаго песчаника, какъ на камскихъ городищахъ, и изъ пористаго краснаго известковаго камня, какъ на шуйскомъ одо-лемѣ.

Сосуды обработаны изъ слабой темной глины, обыкновенно съ раковинною примѣсью; самый употребительный орнаментъ на нихъ—шнуровой, часто встрѣчается также зубчатый и ногтевой. Черепки котельническаго и истобенскаго городищъ особенно близко походятъ на черепки нижемскихъ чудскихъ городищъ, такъ что очевидно, что вліяніе послѣднихъ распространилось и на сѣверъ отъ Пижмы. Болѣе всѣхъ другихъ напоминаетъ ихъ котельническое городище, такъ какъ на немъ встрѣтились даже тѣ льячки, которые составляютъ столь характерную черту расположенныхъ на Пижмѣ чудскихъ мастерскихъ.

По находкамъ средне-вятскія городища ближе всего стоятъ къ саранульскимъ камскимъ и, вѣроятно, принадлежали тому же народу. Всего скорѣе мы признали бы эти городища позднѣйшими въ губерніи и приписали бы ихъ вотикамъ, которые нѣкогда имѣли здѣсь одинъ изъ своихъ историческихъ центровъ. Судя по невнимательности, съ какою городища укрѣплялись, по ихъ малой величинѣ, но бѣдности находокъ и характеру культурныхъ остатковъ, можно думать, что они основывались уже въ то время, когда подобнаго рода укрѣпленія стали утрачивать

свой прежній смысл и начали пріобрѣтать болѣе формальное, чѣмъ жизненное значеніе, что населеніе ихъ жило главнымъ образомъ земледѣіемъ, было бѣдно и не находилось въ сношеніяхъ съ болѣе культурными сосѣдями. Воображеніе рисуеъ намъ въ обитаемыхъ этихъ городищахъ племя угнетенное, забитое, рѣшившееся уйти съ исторической сцены въ самую глубь дремучихъ лѣсовъ только для того, чтобы сохранить остатки жалкой независимости, сберечь въ цѣлости подъ покровомъ убожества самое дорогое для себя — свою любовь къ созерцательной и вольной жизни.

Нѣтъ основаній думать, что вотскія средне-вятскія городища относятся къ очень отдаленному времени. Они сооружены, вѣроятно, въ ту пору исторической жизни вотяковъ, когда ихъ стали вытѣснять изъ области Пижмы пришедшіе сюда съ Волги черемиса, и не могутъ идти далѣе конца XIV в., когда они были вытѣснены и изъ новаго мѣста своего поселенія появившимся съ сѣвера русскими ушуйниками.

Изъ перечисленныхъ нами 12 средне-вятскихъ городищъ три принадлежатъ, по всей вѣроятности, уже русскимъ: орловское, одно молоское (быть можетъ первое мѣсто г. Котельнича) и нягулицкое. Последнее состоитъ собственно изъ двухъ городищъ: одного вотяцкаго, маленькаго, и большаго, русскаго. Можно думать, что здѣсь находится первое мѣстоположеніе древняго Хлынова.

Древнихъ могилъ, кладбищъ и отдѣльных находокъ изъ района средне-вятскихъ городищъ, можно сказать, вовсе неизвѣстно. Изъ находокъ всѣхъ интереснѣе небольшой мѣдный идолъ, быть можетъ, изображеніе бога грома: почти обнаженная фигура бога представлена несущемою на облагѣ, изъ котораго точится дождь, въ одной рукѣ пучъ пламени, въ другой — труба.

Мы пока не имѣемъ никакихъ твердыхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, въ какомъ отношеніи чудская чепецкая культура находится къ древностямъ камскихъ, нижемскихъ и вятскихъ городищъ. Если бы оказалось, что древности всѣхъ этихъ мѣстностей представляютъ одну и ту же культуру на разныхъ ступеняхъ исторической жизни одного народа, то археологія вятскаго края и исторія древнѣйшихъ его обитателей могли бы быть изложены въ одной стройной картинѣ. Тогда можно было бы

утверждать, что нынѣшніе вотяки составляютъ (виѣсть съ пермяками и зырянами) остатокъ древней чуди, жившей въ нашемъ краю прежде на верховьяхъ Ченцы и Камы, а потомъ, подъ вліаніемъ историческихъ событій (разоренія Булгарь и Камы татарами), обѣднѣвшей и разошедшейся отсюда по окрестностямъ великаго камскаго лѣса: на берегъ Камы, на Пижму и на среднее течение Вятки. Это объясненіе той исторической загадки, какую доселѣ представляетъ собою камская чуда, привлекательно, что дальнѣйшіе труды мѣстныхъ археологовъ должны бы повидимому направиться главнымъ образомъ на добываніе новыхъ фактовъ именно въ указанномъ направленіи. Тѣ очень немногія данныя, которыя мы уже имѣемъ, говорить повидимому за возможность тѣснаго соотношенія между тѣми и другими древностями. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны чудскія нижемскія древности, столь тѣсно смѣшавшіяся съ вятскими и быть можетъ дѣйствительно перешедшія одни въ другія. На камскихъ городищахъ мы не нашли древностей, аналогичныхъ съ чудскими, но это обстоятельство можетъ быть объяснено тѣмъ, что чуда двинулась сюда въ сравнительно позднѣйшее время, уже утративъ многія особенности своей недолговѣчной, расцвѣтшей подъ чужимъ вліаніемъ культуры. При нашей постановкѣ вопроса о чуда, самую интересную мѣстность вятскаго края для археологическихъ изслѣдованій, кромѣ костеностныхъ городищъ, являются чепецкія древности, особенно тѣ, которыя представляютъ постепенное вымираніе чудской культуры или переходъ къ древностямъ иного характера.

А. Спицынъ.

ДРЕВНѢЙШАЯ СУДЬБА ВЯТСКОЙ ОБЛАСТИ ¹⁾.

Въ концѣ XIV в., т. е. къ тому времени, къ которому есть основанія относить начало заселенія вятскаго края русскими, нынѣшняя вятская область представляла собою глухую лѣсистую мѣстность, скудно заселенную самымъ бѣднымъ и безсильнымъ изъ финскихъ племенъ—вотяками и отчасти черемисами. Нѣкогда вотяки, можно думать, входили въ составъ болгарскаго царства, и это было лучшее время ихъ историческаго существованія; послѣ распаденія царства они утратили многія усвоенныя ими особенности болгарской культуры (кромѣ земледѣлія) и вслѣдствіе нападѣній новыхъ воинственныхъ сосѣдей (татаръ, башкиръ и вогуловъ) должны были разбрестись изъ своего историческаго центра въ болѣе глухія мѣстности края. Такимъ образомъ они разселились частью по теченію Камы, частью по Пижмѣ и частью по Вяткѣ, близъ устья Чепцы. На Камѣ ихъ постоянно беспокоили, съ Пижмы ихъ стали вытѣснять появившіеся со стороны Волги черемисы, и вотъ вотяки начинаютъ отсюда стягиваться на среднемъ теченіи Вятки и по Чепцѣ, въ самую глухомъ до той поры углу вятской области; далѣе этой мѣстности шли вѣковые лѣса, стоявшіе силошной стѣной и защищавшіе ее со стороны р. Двины и Ветлуги. Здѣсь вотякамъ жилось сравнительно безопасно, пока ихъ область не стала на дорогѣ предприимчивыхъ двинскихъ ушкуйниковъ, которые свои хищническія нападѣнія на Болгары и на Сарай дѣлали обыкновенно со стороны Волги, особенно по Ветлугѣ, а съ конца XIV в. стали неожиданно выходить на Волгу черезъ Каму, куда они научились проникать по р. Вяткѣ. Въ 1374 г. значительная партія ушкуйниковъ проникла на верховья Вятки (вѣроятно на Молому или Летьку), построила здѣсь 90 ушкуевъ и двинулась на Волгу. Пограбивъ по дорогѣ жившихъ въ низовьяхъ Вятки инородцевъ, ушкуйники добрались до г. Булгаръ, взяли его и вынудили жителей дать имъ значитель-

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ лишь на основаніи выѣщагося подъ руками автора матеріала и не претендуетъ на совершенную полноту свѣдѣній.

ный денежный откупъ (300 р.). Послѣ этого ушкуйники раздѣлились во мнѣніяхъ: одни, довольные исходомъ набѣга, требовали возвращенія, другіе настаивали на продолженіи его, вслѣдствіе чего 40 ушкуевъ отиравились на Сарай, а 50 поднялись выше по Волгѣ, пограбили жившую за Сурою мордву или черемису, вышли къ устью Ветлуги, здѣсь потопили свои суда и отправились вдоль рѣки на коняхъ къ Вяткѣ, гдѣ быть можетъ и остались. По пути они пограбили ветлужскихъ черемисъ и вышли на Пижму, чрезъ которую уже не трудно было пробраться на устье Моломы или Чепцы. Въ этотъ или другой разъ новгородскіе ушкуйники свили себѣ гнѣздо среди миролюбивыхъ вотяковъ, раньше или послѣ—этого мы не можемъ сказать, но лѣтописи нѣсколько лѣтъ спустя упоминаютъ уже о постоянномъ русскомъ поселеніи на Вяткѣ, именно подъ 1379 г. говорятъ, что въ этомъ году вятчане принуждены были зимою идти ратью на разбойниковъ, нашедшихъ вольное или невольное гостепримство въ арской, т. е. вотяцкой землѣ ¹⁾. Разбредшіеся въ разные стороны и предавшіеся зимнему отдыху разбойники были захвачены враслохъ и избиты; пойманъ былъ и ихъ атаманъ, какой-то Иванъ, сынъ Станислава, быть можетъ какого-нибудь извѣстнаго боярина, суди по тому, что лѣтописи со вниманіемъ отмѣчаютъ имя его отца. Иванъ Станиславовичъ былъ убитъ. Довольно долгое время послѣ этихъ событій лѣтописи ничего не сообщаютъ о Вяткѣ, но ясно, что здѣсь продолжала складываться своеобразная русская колонія, довольно быстро пополнявшаяся ушкуйниками и бѣглецами. Къ самому концу XIV в. относятся два событія, о которыхъ мы имѣемъ впрочемъ очень скудныя свѣдѣнія, при томъ же неопредѣленные даже въ хронологическомъ отношеніи. Въ 1391 или 1392 г. черезъ Вятку повторился значительный ушкуйничій набѣгъ на Казань; въ этомъ году новгородцы и устюжане («а къ нимъ совокупишася и прочіи», быть можетъ вятчане), построивъ здѣсь насады и ушкуи, спустились по Вяткѣ на Каму, взяли г. Жукотинъ и Казань, а потомъ вышли на Волгу и, пограбивъ здѣсь встрѣтившихся купцовъ, воротились тѣмъ же путемъ обратно. Не задолго до этого или послѣ этого (въ 1391 или 1393 г.) Вятка была страшно разорена царевичемъ Бекту-

¹⁾ Не знаемъ, гдѣ находилась эта арская земля: на Чепцѣ, Камѣ или Пижмѣ. Конечно, нельзя съ полною увѣренностію утверждать, что упоминаемые въ лѣтописи вятчане—люди русскіе.

томъ, котораго сюда послалъ царь Тохтамыша, въ то время воевавшій Болгары (1391 г.). Многихъ Бектутъ посѣкъ, многихъ отвелъ полономъ въ Орду. Нельзя сказать опредѣленно, какая мѣстность была главною цѣлью его похода, собственно Вятка или другая, напр. Чепца. Во всякомъ случаѣ не видно, чтобы великій князь Василій Дмитриевичъ изъявлялъ претензію на татаръ за этотъ разгромъ.

Первая серьезная попытка русской колонизаціи вятскаго края была сдѣлана, можно думать, только въ началѣ XV в., именно суздальскимъ княземъ Семеномъ Дмитриевичемъ, такъ усердно и такъ неудачно добывавшимъ свою вотчину Нижній Новгородъ. Борьба этого несчастнаго князя съ великимъ княземъ Василюмъ Дмитриевичемъ кончилась тѣмъ, что онъ отдался въ полную волю побѣдителя, и тотъ условіемъ примиренія поставилъ совершенный отказъ отъ вотчины и удаленіе изъ его великаго княженія, а быть можетъ и изъ русскихъ владѣній: «и дасть ему княгиню и отпусти его, рекъ: нѣтъ ти въ моемъ княженіи мѣста». Князь Симеонъ рѣшился выбрать Вятку, какъ свободную, еще не причисленную къ русскимъ областямъ землю, и отправился туда устраивать новый удѣлъ. Лѣтомъ 1405 г. выѣхалъ онъ въ свой далекій путь изъ Москвы со всѣмъ своимъ семействомъ и преданными—людьми, въ августѣ прибылъ на мѣсто и принялся устраиваться. Но онъ ѣхалъ уже больнымъ; пробывъ на Вяткѣ только пять мѣсяцевъ, онъ снова заболѣлъ и въ концѣ декабря умеръ. Гдѣ князь Симеонъ былъ похороненъ, гдѣ потомъ привелось жить его женѣ и дѣтямъ, остается неизвѣстнымъ. Быть можетъ, они нѣкоторое время оставались на Вяткѣ. Послѣ смерти Семена Дмитриевича великій князь считаетъ себя вправе распорядиться его вотчиною и передаетъ ее (послѣ 1417 г.) ближайшему князю, Юрію Галицкому, въ родѣ котораго она и оставалась продолжительное время, раздѣляя во всемъ судьбу галицкаго княженія. Великій князь, а послѣ него князья галицкіе охотно принимали въ свою новую далекую вотчину всѣхъ проходящихъ и предоставляли имъ различныя льготы. Даже въ 1428 г. поселенія на Вяткѣ носили названіе слободъ, т. е. городовъ, освобожденныхъ отъ обязательныхъ взносовъ дани ¹⁾.

¹⁾ Вятскіе города въ актахъ впервые упоминаются подъ 1434 г., а въ лѣтописяхъ подъ 1459 г.

Еще до передачи Хлыновской области Юрію Дмитріевичу Вятка выступила въ той своеобразной роли, которая проходить черезъ всю ея древнѣйшую исторію и сдѣлала вопросъ объ обладаніи ею далеко немаловажнымъ для сосѣдей. Находясь на подораздѣлѣ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ, въ Двину, и рѣкъ, текущихъ на югъ, въ Каму и Волгу, Вятка не замѣтно сдѣлалась важнымъ пунктомъ, гдѣ въ тишинѣ, незамѣтно, могли собраться войска и совершить самый неожиданный набѣгъ на Казань или на двинскія владѣнія новгородцевъ. Въ 1409 г. на Вяткѣ собралъ 100 насадовъ преданный великому князю двинской бояринъ Айфалъ и отправился съ ними на Болгары. Походъ этотъ былъ неудаченъ, такъ какъ къ Айфалу не подоспѣла во время судовая рать, шедшая одновременно по Волгѣ (150 насадовъ); на Волгѣ его переняли татары, избили всю рать и самого Айфала увели въ орду, откуда онъ, повидимому, вышелъ уже нѣсколько лѣтъ спустя. Кромѣ Айфала, на Вяткѣ поселились и другіе именитые новгородскіе бѣглецы, напр. Михаилъ Разсохинъ, который здѣсь, кажется, былъ назначенъ намѣстникомъ. Въ 1417 г. великій князь приказалъ князю галицкому Юрію снарядить съ Вятки походъ на Двину. Юрій Дмитріевичъ послалъ сюда съ галицкимъ отрядомъ своего воеводу Глѣба Семеновича, который, собравъ вятчанъ и присоединивъ къ себѣ на пути устюжанъ, сдѣлалъ неожиданное нападеніе на Заволоцкую землю. Вятчанъ велъ Разсохинъ, а устюжанъ Семенъ Жадовскій, тоже новгородскій бѣглець. Походъ въ началѣ былъ удаченъ, но кончился пораженіемъ великокняжескаго войска. Годъ спустя, въ 1418 г., Разсохинъ, повздоривъ изъ-за чего-то съ воротившимся изъ орды Айфаломъ Ниятичемъ и его сыномъ Нестеромъ, убилъ ихъ обоихъ «съ дружиною ихъ»¹⁾.

Долгое время послѣ этого на Вяткѣ не происходитъ событій, достойныхъ быть занесенными въ лѣтописи. Хлыновская область продолжала заселяться подъ покровительствомъ галицкихъ

¹⁾ Нѣкоторые источники прибавляютъ, что тогда побито было 4000 чело-вѣкъ. Синодикъ Вятской Пятницкой церкви приурочиваетъ къ этому событію бывшее по преданію подъ Хлыновомъ избіеніе вятчанами устюжанъ, но повидимому здѣсь кроется какое-то недоразумѣніе. Мы склонны думать, что это преданіе есть не болѣе, какъ предположеніе какого-то книжника, знакомаго съ мѣстными лѣтописями (напр. Юферовскимъ Временникомъ) и имѣвшаго въ рукахъ синодикъ древней редакціи, гдѣ очень неопредѣленно упоминается о какихъ-то побившихъ 4000 воинахъ.

князей припльцами со всѣхъ сторонъ. Домъ Юрія Дмитріевича успѣваетъ настолько упрочить свое вліяніе въ Вяткѣ, что вятчане вмѣстѣ съ галичанами являются неизмѣнными пособниками его дѣтей въ многолѣтней борьбѣ ихъ съ Московою. Въ 1428 г. великій князь договоромъ еще разъ торжественно признаетъ права Юрія Дмитріевича на Вятку (при чемъ даже не требуетъ за нее дани и яма), а этотъ духовнымъ завѣщаніемъ, написаннымъ около 1434 г., передаетъ ее, вмѣстѣ съ Галичемъ, младшему сыну своему, знаменитому послѣ Дмитрію Шемякѣ. Въ это время на Вяткѣ уже существовали города и волости.

Въ борьбѣ юрьевичей за великокняжескій столъ вятчане принимаютъ далеко непоследнее участіе. Они, вмѣстѣ съ галичанами и сами собою, охотно идутъ съ галицкими князьями, который бы ихъ ни позовалъ. Вѣрныхъ московскому князю устожанъ юрьевичи никакими уговорами и даже насиліями не могли склонить на свою сторону, а вятчане идутъ къ нимъ по первому зову, между прочимъ можетъ быть потому, что ихъ привлекала перспектива легкой наживы, на которую легко было рассчитывать во время этого ожесточеннаго междоусобія; быть можетъ также, что юрьевичи умѣли склонять къ себѣ вятчанъ льготами и обѣщаніями. Въ 1434 г. великій князь Василій Васильевичъ послалъ на юрьевичей большую рать со своимъ воеводой Юрьемъ Патрикѣвичемъ; тѣ встрѣтили московское войско на Кусяхъ съ одними вятчанами и галичанами и такъ разбили его, что даже успѣли взять въ плѣнъ самого воеводу. Послѣ этого они скрылись въ Галичъ и, кажется, отпустили вятчанъ. Вскорѣ великій князь самъ отправился на Галичъ и опустошилъ землю, но города не могъ взять и ушелъ безъ успѣха. Слѣдующею же весною Юрій Дмитріевичъ явился въ Галичъ къ дѣтямъ, собралъ войско многи, посла по вятчанъ и съ помощію этого войска безъ труда занялъ великое княженіе. Послѣ его смерти, случившейся въ томъ же году, вновь неурядица продолжалась. Василій Косой отправился съ галичанами къ Костромѣ, вызвалъ сюда вятчанъ и двинулся на Москву, гдѣ великій князь встрѣтилъ его и разбилъ. Князь Василій убѣжалъ въ Кашиинъ и, успѣвъ собрать тамъ отрядъ, пошелъ изгономъ на Вологду, а отсюда на Кострому, гдѣ сталъ ждать вятчанъ, чтобы идти на Москву, но вятчане почему-то на этотъ разъ не явились. Василій Юрьевичъ ограничился тѣмъ, что послалъ отсюда великому князю разметныя, а самъ

пошелъ въ Галичъ. Затѣявъ силою привлечь къ себѣ устюжанъ, онъ послалъ по вятчанъ и самъ глубокою зимою отправился на Устюгъ. Здѣсь онъ долго ждалъ вятчанъ подъ Гледѣнемъ (9 недѣль), наконецъ съ ихъ помощію взялъ городъ на цѣлованье и весною съ Устюга вмѣстѣ съ вятчанами и дворомъ Дмитрія Шемяки пошелъ на Вологду, а оттуда на Москву, но въ Ростовской области былъ взятъ въ плѣнъ. Какъ извѣстно, вятчане оказались невольною причиною того, что Василій Юрьевичъ въ плѣну былъ ослѣвленъ. Предполагая, что князь Василій ведетъ много судовой силы по Волгѣ, великій князь приказалъ ярославскому князю Александру Ѳедоровичу собрать судовую рать и стать съ нею подъ Ярославлемъ. Силы у князя Александра собралось 7000 чел. Дѣйствительно, по Волгѣ вверхъ пробирались на судахъ вятчане, но ихъ было всего 400. Услышавъ о близости ярославскаго войска, они, недоходя до города за 15 вер., покинули въ одной рѣчкѣ свои суда, а сами пѣшкомъ «поскочили» къ войску Василя Юрьевича, но не успѣли во время и должны были бѣжать назадъ къ своимъ судамъ. Проходя на зарѣ мимо Ярославля, вятчане узнали отъ чернеца, что ярославскій князь стоитъ вблизи на устьѣ Которосли со всею силою. Былъ густой утренній туманъ. Чтобы обезпечить себѣ отступленіе, вятчане рѣшились на очень смѣлое дѣло. Изъ нихъ 40 отважныхъ ратниковъ бросились на шатеръ князя Александра, захватили его соннаго съ княгинею, кинулись на ближайшія суда, оттолкнулись и поплыли внизъ. Княжескіе люди проснулись, схватили оружіе и хотѣли стрѣлять, но вятчане стали съ топорами надъ плѣнниками и угрожала ихъ погубить, если кто-нибудь спуститъ хоть одну стрѣлу. Самъ князь упрашивалъ не стрѣлять. Вятчане стали на другомъ берегу Волги и взяли съ князя большой окупъ (400 р.), но его всетаки не отпустили, а повели съ собою на Вятку мимо Казани; вѣроятно, они боялись погони, а быть можетъ ожидали еще большаго выкупа. Узнавъ объ этомъ событіи, великій князь «велѣлъ князю Василю Косому очи вынати».

Еще по договору 1434 г. Дмитрій Шемяка долженъ былъ отказаться отъ Вятки, и она перешла во владѣніе московскаго князя. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1440 г., послѣдній снова передаетъ ее юрьевичамъ «по отца вашего послѣднему докончанію», и окончательно присоединяетъ ее къ своимъ владѣніямъ только послѣ 1450 г. Любопытно, что около 1446 г. Дмитрій Ше-

мика, тогда великій князь, отдаетъ Вятку суздальскимъ князьямъ; ближайшимъ родственникамъ умершаго на Вяткѣ въ 1405 г. Симеона Дмитріевича, въ числѣ ихъ прадѣдны, дѣдны и отчины (вмѣстѣ съ Суздалемъ, Нижнимъ-Новгородомъ и Городцемъ). Очевидно, суздальскіе князья не забывали, что Вятка нѣкогда принадлежала ихъ роду, а не галицкимъ и московскимъ князьямъ.

Переходъ Хлыновской области во власть московскихъ князей долгое время остается лишь номинальнымъ. Во время продолжительныхъ и непрерывныхъ междоусобицъ, въ которыхъ она должна была принимать участіе, Вятка деморализировалась и стала выработать новую схему для своей дальнейшей исторической жизни. Начинается эта ожесточенная борьба за московское великое княженіе, Вятка остается безъ господина, въ ней нуждаются, заискиваютъ, она дѣлательно выступаетъ въ войскѣ юрьевичей и проникается духомъ ихъ борьбы съ Москвою. Эта борьба не была борьбою за политическую идею, а имѣла совершенно личный характеръ, и развила въ сѣверныхъ областяхъ духъ своеволия и хищничества, съ которыми московскому князю пришлось бороться послѣ того долгое время. Во время долгой и тяжелой борьбы Московскихъ князей съ Новгородомъ и Казанью вятчане были предоставлены самимъ себѣ, и благодаря этому Хлыновъ дѣлается убѣжищемъ безпокойныхъ скитальцевъ, бѣглецовъ, авантюристовъ всякаго рода, всѣхъ, кто былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, чего-нибудь опасался или что-нибудь предпринималъ. Судьбами вятской области начинаютъ руководить предприимчивые и честолюбивые проходимцы, люди въ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ политическихъ стремленій и имѣющіе въ виду одни личные интересы. Они безъ труда пріобрѣтаютъ въ деморализированной землѣ вліяніе, и вотъ Вятка на нѣкоторое время становится хищническимъ гнѣздомъ, небезопаснымъ для сосѣдей, кто бы они ни были. Цѣлое поколѣніе подросло на Вяткѣ, прежде чѣмъ московскіе князья могли обуздать своеволие своей далекой вотчины. За это время вятчане не разъ совершенно открыто выходили изъ повиновенія и даже передавались во власть Казанскихъ царей.

Своеволие вятчанъ начинается еще до того времени, какъ Шемяка былъ окончательно смиренъ. Такъ намъ известно, что въ 1436 г. они неожиданно явились на Устюгъ подъ стѣнами Гледѣна и сожгли его. Два года спустя они снова идутъ сюда же. Жители Гледѣна, испуганные недавнимъ разгромомъ, скрылись.

въ лѣсахъ. Вятчане такъ разорили городъ, что устюжане послѣ того рѣшились поставить его на новомъ мѣстѣ. Въ исторіи послѣдней отчаянной попытки Шемяки добыть московскій столъ (1450 г.) имени вятчанъ не упоминается, быть можетъ потому, что они были удержаны вліяніемъ намѣстника или другими, болѣе дѣйствительными средствами. Наиболѣе сильное своеволие Вятка проявляетъ въ срединѣ и въ концѣ XV в., т. е. тотчасъ послѣ окончанія борьбы съ Москвою юрьевичей и затѣмъ во время оживившейся борьбы съ Казанью.

Въ 1455 г. вятчане соединились съ вогульскимъ княземъ Асыкой и вмѣстѣ съ нимъ совершили хищнической набѣгъ на сысольскихъ, вымскихъ и вычегодскихъ зырянъ, уже давно просвѣщенныхъ крещеніемъ. Одного полону они увели тогда болѣе 1500 человекъ. Митрополитъ Іона въ своемъ посланіи къ вятчанамъ, написанномъ по этому случаю, въ такихъ мрачныхъ краскахъ рисуетъ проявленную ими при этомъ жестокость и кровожадность, что хотѣлось бы видѣть въ его словахъ большую долю условнаго риторизма. Упомянутое посланіе до нѣкоторой степени знакомитъ насъ съ управленіемъ Вятки за это время и выясняетъ характеръ ея своеволія. Митрополитъ упрекаетъ вятчанъ, что они ни во что ставятъ крестное цѣлованіе великому князю и постоянно нападаютъ на его вотчины; напоминаетъ, что они издавна соединяются съ врагами своего князя, что они приходили съ Шемякой на Галичъ, Устюгъ и Вологду, что цѣловали крестъ у Дм. Ряполовскаго, три раза у Глѣба Семенова, дважды у Александра Мьянина, и, нисколько не стѣсняясь измѣнять клятвѣ, тотчасъ же принимались за грабежъ сосѣднихъ земель: «да то крестное цѣлованіе забывъ, завсегда измѣняюще и христіянство губите, и съ тѣми христіянскими губители и сами собою вотчину его воюете безпрестанно, христіянство губите убійствомъ и полономъ и грабленіемъ, и церкви Божья разоряете и грабите вся церковная приходія, кузнь и книги и колоколы, и вся творите злая и богомерзкая дѣла, якоже поганіи»¹⁾. Кажется, къ этимъ вѣнамъ слѣдуетъ еще прибавить, что вятчане отказались платить дань великому князю и можетъ быть изгнали его намѣстника. Митрополитъ требуетъ, чтобы они добились челомъ великому князю за грубость, возвратили пограбленное въ церквахъ и отпу-

¹⁾ Известно, что Асыка въ 1455 г. убилъ Пермскаго епископа Питирима.

стили бы весь полонь. Грамота митр. Ионы была отправлена съ винешемскимъ игуменомъ Нафономъ, которому кромѣ того поручено увѣщевать вятчанъ къ послушанію наустною рѣчью; онъ же привезъ грамоту митрополита священству Вятской земли, которое по невѣдѣнію сильно отступало отъ церковныхъ установленій и не оказывало на своихъ духовныхъ дѣтей смягчающаго вліянія ¹⁾).

Изъ посланій митрополита Ионы мы видимъ, что вятчане въ XV в. имѣли свою земскую власть, по крайней мѣрѣ военную: земскихъ воеводъ (ихъ въ срединѣ XV в. было три, вѣроятно, по числу тогдашнихъ вятскихъ городовъ: Яковъ Пугвицъ, Оникѣй и Юрій Алексѣевичи Мышкина), ватамановъ и подвойскихъ. Кромѣ нихъ на Вяткѣ отмѣчаются: бояре, купцы и житея люди. Вятская область въ это время была очень не велика, такъ какъ ограничивалась только уѣздами трехъ городовъ (Хлыновъ, Орловъ и Котельничъ), отстоящихъ другъ отъ друга всего на сотню верстъ.

Проявивъ своеволие въ набѣгѣ на Пермь въ 1455 г., вятчане не только не добились челомъ великому князю въ своей винѣ, но даже отказались платить ему дань и, вѣроятно, заставили удалиться намѣстника. За это непослушаніе великій князь въ 1458 г. послалъ на Хлыновъ большую рать съ кн. Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ и съ Иваномъ Ряполовскимъ, однимъ изъ самыхъ близкихъ и заслуженныхъ своихъ бояръ. Воеводы пришли подъ Хлыновъ и долго здѣсь стояли въ бездѣйствіи, «а городъ не взяли, занеже Григорей Перхушковъ (быть можетъ, вятскій намѣстникъ) у вятчанъ посулы ямалъ, а имъ поровилъ». Вѣроятно, объ этомъ узнали въ Москвѣ, и въ слѣдующемъ 1459 г. великій князь снаряжаетъ на Вятку серьезный походъ, отправивъ туда на этотъ разъ нѣсколькихъ воеводъ (Ивана Юрьевича Патрикева, Ивана Ивановича и Дмитрія Ряполовскаго) и весь свой дворъ; къ московской силѣ по пути применили устюжане. Съ Устюга рать двинулась на Молому, взяла сперва Котельничъ, потомъ Орловъ и наконецъ осадилъ Хлыновъ. Воеводы, быть можетъ согласно данному приказанію, медлили приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ и долго стояли подъ городомъ, пока сами вятчане

¹⁾ Нѣсколько поздиѣ митр. Иона послалъ на Вятку своего десятильника, которому поручилъ наблюдать здѣсь за правильнымъ исполненіемъ церковныхъ постановленій.

не добили великому князю «свѣтъ надобѣ государю на всей его волѣ». Тогда они прекратили грабежъ земли, привели вятчанъ къ крестному цѣлованию и возвратились въ Москву.

Почти около того же времени татары, пользуясь благоприятными историческими условіями, стали твердою ногою на Камѣ и Волгѣ и, подчинивъ своей государственной и культурной власти окружающихъ инородцевъ, основали на развалинахъ болгарскаго княжества сильное казанское царство, которое уже однимъ своимъ возникновеніемъ вызвало сильное движеніе на сѣверовосто-къ; образовались новые союзы, возникъ цѣлый рядъ новыхъ столк-новеній. Московскіе князья принуждены были напрячь всѣ свои силы для парализованія завоевательныхъ и хищническихъ стрем-леній вѣчно безпокойнаго сосѣда. Въ этой борьбѣ Вятка приоб-рѣтаетъ для обѣихъ сторонъ большое значеніе, такъ какъ нахо-дилась въ тылу и русскихъ, и казанскихъ владѣній. Съ теченіемъ времени московскія войска избираютъ ее обычнымъ путемъ для внезапныхъ нападений на Казань. Съ своей стороны, казанскіе цари не могли не видѣть, какое большое стратегическое значеніе имѣетъ для Москвы вятская область, и не могли оставить ее въ покоѣ; они всевозможными средствами стараются приобрѣсти ея расположеніе или нейтралитетъ, держатъ здѣсь своихъ пословъ, а въ случаѣ особенной надобности покоряютъ ее себѣ силой. Въ ихъ же интересѣ было поддерживать на Вяткѣ духъ своеволія или даже мечту о независимости. Подитива Казани имѣла успѣхъ. Случалось, что вятчане отказывались идти съ войскомъ велика-го князя, ссылаясь на то, что «изневолилъ насъ царь, и право свое есмь дали ему, что намъ не помогати царю на великаго князя, ни великому князю на царя». Иногда черезъ Вятку, вѣ-роятно, при условіи ея нейтралитета, татары и черемисы дѣла-ли нападенія на великокняжескія области, особенно на Устюгъ.

Въ то же время великій князь ведетъ дѣятельную борьбу съ Новгородомъ. Вятская область и въ этой борьбѣ приобрѣтаетъ важное значеніе. Она оказалась велииенною между казанскими и новгородскими владѣніями, и съ которыми бы изъ двухъ сосѣдей великій князь ни воевалъ, приходилось посылать значительные отряды на Вятку. Благодаря тому, что изъ вятской области текутъ судоходныя рѣки въ Двину и въ Каму, отсюда можно было сдѣлать быстрый набѣгъ на ту и другую изъ враждебныхъ земель, и не-сравненно труднѣе было проникнуть на Вятку. Вотъ любопытная

особенность географическаго положенія хлыновской области, которая дѣлала ее весьма удобною въ стратегическомъ отношеніи.

Съ мѣстными инородцами, вотиками и черемисами, у вятчанъ бывали и враждебныя столкновенія, существовали между ними и дружелюбныя отношенія. Входя прежде въ составъ болгарскаго царства, вятскіе инородцы безъ труда подчинились татарамъ и не разъ выступали въ качествѣ вѣрныхъ союзниковъ ихъ противъ русскихъ, предпринимая иногда даже единоличныя нападенія на русскія земли. Но таковы по преимуществу были черемисы. Мирныя вотики, въ области которыхъ появились первыя русскія поселенія, стали постепенно уходить съ своихъ земель на Чепцу и по другимъ мѣстамъ. Уже сосѣдство незначительнаго сперва поселенія смѣлыхъ и предприимчивыхъ русскихъ людей казалось имъ безпоякойнымъ, но когда вотики увидѣли быстрый ростъ колоніи, а особенно когда поражены были появленіемъ въ своей области многочисленныхъ русскихъ отрядовъ и даже войска, они массами и навсегда покинули старинныя земли, хотя вѣроятно среди нихъ многіе предпочли остаться въ русскіхъ городахъ и постепенно изчезли въ общей массѣ своихъ гостей-хозяевъ. Вообще замѣтно, что хлыновцы не враждовали съ вотиками, а напротивъ находились съ ними въ мирныхъ отношеніяхъ и иногда пользовались со стороны ихъ кѣ-какими услугами.

При такихъ историческихъ условіяхъ мирный, спокойный ростъ хлыновской области сталъ невозможенъ. Поставленная между Казанью, Новгородомъ, великимъ княземъ, сосѣдями—инородцами и собственными стремленіями къ нѣкоторой независимости, Вятка въ теченіи 30 лѣтъ жила очень бойкою историческою жизнью, и лѣтописи не перестаютъ въ это время говорить о ней.

Въ 1462 году великій князь снаряжаетъ съ Вятки походъ на черемисъ. Въ походѣ приняли участіе вологжане, устюжане, галичане и вятчане (?). Воеводами были назначены Борисъ Кожуновъ и вятскій намѣстникъ (?) Борисъ Слѣпецъ. Воеводы спустились въ низовья Вятки, раззорили здѣсь черемисскія земли, вышли на Каму и поднялись по ней на верховья въ Великую Пермь, вѣроятно, воюя земли попутныхъ инородцевъ, напр. тѣхъ же черемисъ и саранульскихъ вотяковъ. Тѣмъ временемъ, воспользовавшись отсутствіемъ войска, казанскіе татары съ черемисами ходили на Устюгъ. Четыре года спустя (въ 1466 г.) вятчане, пользуясь тѣмъ, что великій князь снарядилъ большой

походъ на Казань по Волгѣ, дѣлаютъ самовольный набѣгъ на Двину. Шли они мимо Устюга на Коцшенгу и Вагу. Устюжскій намѣстникъ Сабуровъ отправилъ къ великому князю гонца съ запросомъ о вятчанахъ, и получилъ приказъ перенять ихъ на обратномъ пути. Вооруживъ устюжанъ, Сабуровъ успѣлъ исполнить данное ему порученіе, но вятчане нашлись: они дали намѣстнику песуль, и тотъ черезъ три дня ихъ отпустилъ. Нѣтъ основанія думать, что въ походѣ этого года принимали участіе многіе вятчане; вѣроятнѣе, что это было небольшой ушкуйничій набѣгъ. Въ слѣдующемъ году небольшой отрядъ вятчанъ (120 ч.), по вызову пермяковъ, вмѣстѣ съ ними ходилъ на безокоянаго вогульскаго князя Асыму. Походъ былъ удаченъ; самъ Асыма попалъ въ плѣнъ и былъ приведенъ на Вятку.

Въ 1468 году повторяется исторія похода 1462 г., только съ новыми лицами и съ инымъ исходомъ. Въ этомъ году великій князь назначилъ съ Вятки походъ на казанскихъ татаръ. Воеводы собрались подъ Котельничемъ, отсюда спустились на черемись, вышли на Каму и по ней добрались до извѣстнаго татарскаго перевоза, близъ котораго побили и ограбили много купцовъ; отсюда снова поднялись вверхъ, по дорогѣ зашли въ р. Бѣлую, прошли до Великой Перми и наконецъ благополучно добрались до Устюга, откуда возвратились въ Москву «всѣ по здорову». Не поздоровилось только вятчанамъ. Они приняли сперва большое участіе въ походѣ, но потомъ должны были отстать, такъ какъ казанскіе татары сдѣлали неожиданное нападеніе на Хлыновъ (черезъ Чепцу или Пижму?); только 300 вятчанъ остались съ воеводами. Оказалось, что казанская рать была очень сильна: «я не возмогоша вятчане противитися имъ, предашася за казанскаго царя Обрейма». Кажется, въ то же время татары отправились на Устюгъ и сожгли Кичменгу. Въ слѣдующемъ 1469 году великій князь снарядилъ походъ на Казань. Одна рать должна была идти съ Вятки (воеводою былъ назначенъ кн. Даниль Ярославскій), другая по Волгѣ (воевода кн. Беззубцевъ). Князь Даниль пришелъ съ Москвы на Устюгъ, добрался на судахъ до Вятки и словомъ великаго князя потребовалъ отъ вятчанъ, чтобы они шли на Казань. Вятчане отвѣчали, что они не могутъ идти, такъ какъ царь Ибрагимъ взялъ съ нихъ клятву не помогать ни той, ни другой сторонѣ. Такъ они и остались при своемъ, а пока воевода продолжалъ настаивать.

бывшій на Вяткѣ казанскій посолъ успѣлъ вовремя извѣстить своихъ, что отсюда идетъ судовая рать великаго князя «а не во мнозѣхъ». Татары встрѣтили князя Данила подѣ Казанью и страшно его разбили. Въ то же время Беззубцевъ дѣлаетъ неожиданное нападеніе на Казань и освобождаетъ русскихъ плѣнниковъ, между прочимъ и вятскихъ, затѣмъ останавливается подѣ Казанью и ждетъ судовою рати. Узнавъ объ ея поражениі, Беззубцевъ отправляетъ гонца въ вятчанамъ съ требованіемъ чрезъ мѣсяць стать подѣ Казанью, но тѣ снова отвѣчаютъ отказомъ. Впрочемъ на этотъ разъ они сказали, что если на Казань пойдутъ братья великаго князя, т. е. если будетъ назначенъ рѣшительный походъ, тогда пойдутъ и они. Такъ, дожидая еще мѣсяца и ничего не сдѣлавъ, Беззубцевъ воротился въ Нижній Новгородъ. Осенью того же года великій князь снаряжаетъ такой походъ на Казань, что царь Ибрагимъ долженъ былъ ему покориться «на всей его волѣ», и, конечно, съ этого времени вятчане снова являются въ московскомъ войскѣ. Потерпѣли ли они что-нибудь за свою вину, неизвѣстно.

Такъ какъ со времени покоренія Казани Вятка перестаетъ имѣть для московскаго князя прежнее значеніе, и онъ обращаетъ на нее уже менѣе вниманія, то при столь благоприятныхъ обстоятельствахъ у вятчанъ вновь появляется своеволие и даже мечта о независимости. Въ 1471 г., подѣ предводительствомъ земскаго воеводы Кости Юрьева, значительный отрядъ вятчанъ отправляется въ судахъ на Сарай. Набѣгъ этотъ былъ полонъ ирпключеній. Опустошеніе въ Сарай они произвели страшное: кого только могли, изсѣкли, все, что можно было, разграбили, собрали «безчисленное множество» полону, въ томъ числѣ и княгинь сарайскихъ. Разгромъ былъ произведенъ съ лихорадочною поспѣшностью, потому что татары Большой Орды кочевали всего за день отъ Сарая, и можно было ожидать погони. Въ самомъ дѣлѣ, многое множество татаръ бросилось перенять удалцовъ на Вяткѣ и заступили своими судами всю рѣку, но тѣ какъ то успѣли увернуться и ускользнуть, даже ничего нестеривъ. На дальнѣйшемъ пути вятчанъ хотѣли перенять казанскіе татары, но тоже неудачно, такъ какъ ихъ вѣроятно собралось мало. «Вятчане же бившеса съ ними и проидоша здравы со всѣмъ полономъ, и многіе отъ обохъ падоша ту», говоритъ лѣтописецъ. На Вяткѣ имъ было уже готово новое дѣло. Въ это

время великій князь стоялъ подъ Новгородомъ, и новгородцы, желая отвлечь его, собрали большую силу на Двинѣ (12000 ч.), чтобы напасть на оставшіяся безъ прикрытія сѣверныя земли. Въ распоряженіи великаго князя оставались только устюжане и вятчане. Онъ тотчасъ отдалъ приказаніе устюжскому намѣстнику Василью Образцу и вятскому Борису Слѣпцу собрать ратниковъ и идти на встрѣчу новгородцамъ. Войска великаго князя собралось около 4000, т. е. втрое меньше новгородскаго: «И придоша противу ихъ и срътошася на Двинѣ въ судѣхъ, и выидоша обои изъ судовъ на берегъ, и бысть межѣ ими бой и сѣча зла, и погнаша устюжане и вятчане, а новгородцы побѣгоша; устюжане и вятчане идоша на двинскіе городки и погосты».

Въ 1477 и 1478 гг. великій князь былъ занятъ серьезной борьбою съ Новгородомъ. Ибрагимъ пользуется этимъ случаемъ и дѣлаетъ нѣсколько набѣговъ на Вятку и Устюгъ. Въ 1477 или 1478 г. онъ на маслинницѣ явился на Вятку и стоялъ здѣсь 4 недѣли, причинивъ христіанамъ много зла; однако вятчане успѣли побить много татаръ подъ городами своими и послѣ, соединившись съ устюжанами, отправились на Каму. Здѣсь вятчане произвели такое опустошеніе, что Ибрагимъ умолялъ великаго князя унять ихъ, «и умиростася, коже, якоже угодно великому князю». Нѣкоторые лѣтописи даютъ большія подробности о событіяхъ этого года. Прослыша, что великій князь убѣжалъ изъ подъ Новгорода самъ четверть, раненный, Ибрагимъ въ великій мясопусть явился на Вятку, села и волости новоевалъ, а града не взялъ ни единого. Пошелъ было на Устюгъ, ино Молома рѣка была водяна, нельзя итти, и онъ, шедъ одинъ день, да воротился. Прииде царю правая вѣсть, что великій князь взялъ Новгородъ—толь скоро побѣгоша, елико вараду въ котлѣхъ ѣству, все опрометаша. Тотчасъ же великій князь посылаетъ на Ибрагима намѣстниковъ вятскаго (того же Бориса Слѣпца) и устюжскаго (Вас. Образца) съ судовою ратью. Воеводы подошли даже подъ Казань; но настала бурная и дождливая погода, такъ что они должны были оставить мысль о приступѣ къ городу и стали на Волгѣ. «Вятчане же и устюжане плѣниша по Камѣ, множество безчисленно изсѣкоша, а иныхъ и въ полонъ поимаша». И послѣ царь казанскій съ челобитьемъ къ великому князю, князь же великій пожалова его.

Пришло время, когда Вяткѣ было суждено сдѣлать сериа-

ную попытку отложиться от Москвы. Какъ только великій князь сильно занятый борьбою съ Новгородомъ, пересталъ обращать вниманіе на Хлыновъ, здѣсь начинаются какіе-то безпорядки, приведшіе къ формальному отпаденію вятчанъ отъ московскаго князя и къ разгрому области. Какія соображенія, какія обстоятельства могли дать хлыновцамъ мысль о независимости? Изъ подробнаго разсказа лѣтописи о покореніи Вятки мы узнаемъ, что главными виновниками отпаденія ея было нѣсколько коромольниковъ, которыхъ мы даже знаемъ по именамъ. Кто это были: просто ли проходимцы, новгородскіе ли бѣглецы или патріоты вятчане, помышляющіе о новомъ политическомъ существованіи для Вятки, этого мы, конечно, не можемъ сказать съ увѣренностью. Всего вѣроятнѣе думать, что это были новгородскіе или двинскіе бояре, мечтавшіе продолжать борьбу съ московскимъ княземъ на Вяткѣ. Какъ бы то ни было, но великій князь, пославшій въ 1485 г. на Казань рать съ казанскимъ царевичемъ Махметъ-Аминемъ, получилъ вѣсть, что вятчане «отступили» отъ него. Въ мартѣ 1486 г. они пришли ратью на Устюгъ. У самаго города они не были, такъ какъ предупрежденные устюжане успѣли запереться, за то они простояли цѣлый день подъ Осиновскимъ городкомъ; видя, что его не взять, они пошли прочь и разграбили 3 волости. Устюжане отправились было въ погоню за вятчанами, но не настigli. Подъ Троицынъ день вятчане снова появились около Устюга, на судахъ, но подъ Осиновцемъ у нихъ сбѣжалъ земскій воевода Костя Юрьевъ, и они въ ту же ночь побѣжали обратно къ Вяткѣ. Юрьевъ вѣроятно шелъ неохотно или даже прямо противъ воли и, увидя удобный моментъ, рѣшился на побѣгъ. Для этого онъ воспользовался обѣденною порою. Сдѣлавъ видъ, что ему надо набрать для сына сосноваго соку противъ мучившей его лихорадки, онъ, взявъ топоръ, отправился съ сыномъ въ сосѣдній лѣсъ, да тамъ и пропалъ. «А вятчане хватились, оже воеводы нѣтъ, утеклъ, и они возмались, начаша къ городу приступати, чаючи въ городъ. Осиновляне же имъ правду сказаша, что воевода ихъ на конѣхъ и съ проводники къ великому князю побѣгъ; и они въ ту ночь побѣгоша къ Вяткѣ». Осиновляне успѣли дать Юрьеву лошадей и отпустили его къ Москвѣ со многими людьми, за что послѣ и были пожалованы. Костя Юрьевъ не могъ скрыть въ Москвѣ того, что зналъ о намѣреніяхъ вятчанъ, и великій князь по этимъ

вѣстимъ отправилъ на нихъ со многою силою воеводу Шестака Кутузова. Кутузовъ умирился съ вятчанами и представилъ князю дѣло отпаденія ихъ въ смягченномъ видѣ. Однако на самомъ дѣлѣ своеволие ихъ продолжало склываться. Пользуясь тѣмъ, что борьба московскаго князя съ Казанью продолжалась (1485—1487 г.), вятчане не только не принимаютъ участія въ его походахъ, но даже нападаютъ на его вотчины. Такъ въ 1488 г. ихъ ждали на Устюгѣ воеводы великаго князя Оболенскій и Кутузовъ, «берегли земли устюжскія отъ вятчанъ». Однако на этотъ разъ вятчане не явились, и воеводы, простоявъ до осени, пошли прочь.

Наконецъ «неисправление» вятчанъ вызвало совершенный разгромъ хлыновской области, подобный разгрому Новгорода. Весною слѣдующаго 1489 г. великій князь (тогда Иванъ III) снаряжаетъ такую силу, которая должна быть сразу и навсегда сломить самоволие вятчанъ. По его слову, на Хлыновъ двинулись рати съ трехъ сторонъ: съ Москвы, съ Устюга и Казани. Московская рать, состоявшая преимущественно изъ москвичей, владимирцовъ и тверчанъ, шла на Хлыновъ конями со стороны Ветлуги, дошла до Котельнича 30 іюля и уже застала здѣсь сѣверную рать, составившуюся изъ устюжанъ, двинянъ, важанъ, каргопольцевъ, бѣлозерцевъ, вологжанъ, вычаганъ, вымычей и сысоличей. Эта рать подошла къ Котельничу по Моломѣ на судахъ и ждала здѣсь главныхъ воеводъ съ московскою силою почти недѣлю. Войско готовилось къ походу подъ Хлыновъ и между тѣмъ ожидало отрядъ казанскихъ татаръ, которыхъ по требованію великаго князя обязался прислать на Вятку царь Махметъ-Аминь. Ожидаемый отрядъ явился въ скоромъ времени, во 2 августа; онъ состоялъ изъ 700 конныхъ татаръ подъ командой воеводы Урава. Лѣтопись говоритъ, что всего подъ Котельничемъ собралось тогда до 64 тысячъ московскаго войска; число это, конечно, сильно преувеличено, но самое преувеличеніе его показываетъ, что походъ на Вятку современники признавали весьма значительнымъ и что великому князю было необходимо покорить эту область чего бы то ни стоило. Въ большой полкъ воеводой былъ назначенъ князь Данило Щеня (впослѣдствіи прославившійся многими удачными походами) и князь Чернятинскій; на правой рукѣ стояли воеводы Никулинскій, Бородинъ и Беззубцевъ, на лѣвой — Бокѣвъ, Семенъ Карповичъ и Ивашинъ, въ передовомъ полку — Морозовъ и Коробовъ. Въ судовой рати главнымъ воево-

дой былъ Иванъ Салтыковъ-Травинъ, а подъ нимъ: кн. Кубенскій, Юрій Шестакъ, устюжскій намѣстникъ Иванъ Злоба и кн. Звенецъ. Отрядъ Травина и Звенца составилъ сторожевой полкъ. Такъ какъ вятчане успѣли привлечь на свою сторону вотяковъ, или вѣрнѣе владѣвшихъ вотиками татарскихъ князей, то великій князь послалъ на Каму кн. Бориса Горбатаго, поручивъ ему наблюдать за спокойствіемъ занятыхъ инородцами прикамскихъ земель.

6-го августа, въ Преображенъевъ день, вся сила великаго князя поднялась изъ подъ Котельнича и двинулась на Хлыновъ. Хотя отъ Котельнича до Хлынова разстоянія не болѣе 100 вер., но переправа черезъ двѣ рѣки (Молому и Вятку) такъ задержала войско на пути, что оно стянулось къ Хлынову только черезъ 10 дней, 16 августа, въ третьемъ часу дня. Вѣроятно, хлыновцы не рассчитали, что долготерпѣніе великаго князя могло совершенно истощиться, и появленіе на Вяткѣ столь многочисленныхъ гостей было для нихъ вполнѣ неожиданнымъ. Они захвачены были врасплохъ и не могли придумать никакого выхода изъ своего положенія. Главные крамольники не успѣли даже бѣжать. Какъ бы то ни было, хлыновцы съ мужествомъ отчаянія заперлись въ городѣ и, можетъ быть, замыслили дѣятельное сопротивленіе, пока ясно не убѣдились, что оно вполнѣ не возможно. Тогда они, вѣроятно послѣ долгихъ переговоровъ, отправили какого-то Ивана Осиповича Глазатова къ воеводамъ просить у нихъ опаса до завтра. Посланецъ былъ снабженъ добрыми поминками и съ успѣхомъ выполнилъ данное ему порученіе. На слѣдующій день городскія ворота открылись, и самые значительныя лица Вятской страны вышли со словомъ покорности и просьбой о пощадѣ. Они били челомъ воеводамъ, «чтобы рать земли вятскія не воевала, а мы великому князю челомъ бьемъ и покоряемся на всей волѣ великаго князя, а дань даемъ и службу служимъ». Воеводы принимали покорность, но не могли согласиться дать всѣмъ прощеніе и потребовали, чтобы имъ прежде всего были выданы головами три главные крамольника: Иванъ Аникіевъ, Пахомъ Лазаревъ и Павелъ Богадайшиковъ. Дороги были эти люди хлыновцамъ, которые не могли не знать, что ихъ ожидаетъ вѣрная и можетъ быть мучительная смерть, не могли они сразу рѣшиться и просили воеводу дать имъ подумать до завтра. Но прошли два дня, вятчане не высылали желаемаго отвѣта и наконецъ сказали, что они этихъ трехъ человѣкъ не вы-

дадутъ. Тотчасъ въ московскомъ войскѣ поднялись сильныя хлопоты: воеводы назначили приступъ и приказали каждому челобѣцу приготовить по беремени береста и смолистыхъ веществъ да по 2 сажени плетня на 50 челобѣцъ. Когда вятчане увидѣли поставленный кругомъ города сплошной плетень и поняли намѣреніе воеводъ, «видячи свою погибель», вышли изъ города всѣ большіе люди, вывели требуемыхъ лицъ и «добили челомъ воеводамъ на всей волѣ великого князя». Крамольники были немедленно скованы и переданы устюжанамъ, которые должны были поставить ихъ на Москвѣ предъ великимъ княземъ, а затѣмъ воеводы принялись «разводить» Вятку. 1-го сентября 1489 года огромный обозъ изгнанниковъ оставилъ Хлыновъ. Съ женами, дѣтьми и имуществомъ вятчане совершили длинный, тяжелый осенній путь чрезъ Устюгъ до Москвы, подъ надзоромъ строгаго пристава, и были расселены въ Боровскѣ, Алексинѣ, Кременцѣ и Дмитровѣ. «И писалися вятчани въ слуги великому князю», а крамольники были биты кнутомъ и повѣшены. Въ Дмитровѣ были поселены вятчане торговые люди, а въ прочихъ городахъ земскіе люди ¹⁾. Въ неисправленіи вятчанъ принимали также какое то участіе аряне, т. вотяки; они были приведены къ ротѣ, а арскіе князья были представлены въ Москву великому князю, который ихъ пожаловалъ — отпустилъ въ свою землю, вѣроятно рассчитывая, что черезъ нихъ будетъ нетрудно держать вотяковъ въ повиновеніи. Есть основанія думать, что эти аряне жили по Камѣ.

Своеволіе вятчанъ было сломлено навсегда. Новгородъ былъ покоренъ, Казань вполне обезсилена — и имя Вятки сходитъ со страницъ лѣтописей. Начинается мирная колонизація страны пришельцами, стекавшими отсюда, особенно съ Устюга, постепенная ассимиляція съ покоренными инородцами и жизнь безъ всякой тѣни политической самостоятельности ²⁾.

А. Спицынъ,

¹⁾ Изъ одного документа 1499 г. мы знаемъ фамиліи нѣкоторыхъ переселенныхъ въ московскую землю вятчанъ, именно слѣдующихъ: Пугвина, Татарина, Юшина, Бобровникова, Алексѣева, Копова, Сафонова.

²⁾ Изложенія свѣдѣнія передаются главнымъ образомъ на основаніи извлеченій изъ русскихъ лѣтописей, помѣщенныхъ въ Вятск. Епарх. Вѣдомостъ 1879 и 1880 г. и перепечатанныхъ нами съ дополненіями (впрочемъ не вполне безупречно) въ Вятскомъ Календарѣ на 1885 г. въ статьѣ «Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ».

